

ПОСЛЕДНИЙ

ПОЛЕТ

«ЖАР-ПТИЦЫ»

Эдуард СЕМЕНОВ

16+

Эдуард Семенов

Последний полет «Жар-птицы»

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Семенов Э.

Последний полет «Жар-птицы» / Э. Семенов — «ЛитРес: Самиздат», 2007

ISBN 978-5-532-94513-5

События разворачиваются в небольшом подмосковном городе Петлякове, центре авиационной науки. Группе молодых ученых, выпускников авиационного вуза, под руководством старого профессора удастся создать образец нового суперсовременного самолет 6-го поколения. Все разработки ведутся в строгой секретности на средства частных инвесторов. За учеными, их самолетом и разработками начинается настоящая охота. В городе происходит невообразимая череда событий, которая неожиданно приводит к выводу, что данная научная разработка, способная поднять престиж государства и обеспечить ему лидирующие позиции в авиастроении, не нужна никому. Убит вор в законе...

ISBN 978-5-532-94513-5

© Семенов Э., 2007
© ЛитРес: Самиздат, 2007

Содержание

Вместо предисловия. 9 мая 2008 года	6
Часть 1	13
Глава 1. 10 мая 2008 года	13
Глава 2. Тот же день. 8 утра	21
Глава 3. Ангар корпорации ЖАРР на территории летно-исследовательского института ЦАДИ. 12 часов дня. Тот же день	34
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эдуард Семенов
Последний полет «Жар-птицы»

Не все события в этой книге вымышленные, не все совпадения случайны...

Вместо предисловия. 9 мая 2008 года

Венесуэла. Где-то на границе с Колумбией. Полдень. Грохот появился ниоткуда. Его услышали все джунгли. Его невозможно было не услышать. Он пришел откуда-то с гор и, прокатившись над долиной, скрылся за горизонтом, – где-то там, вдали, в той части, где должен был заканчиваться океан.

Грохот продолжался недолго. Секунду или две, но работающие на плантациях коки крестьяне успели поднять головы от своих грядок и посмотреть в небо. В ту сторону, куда укатила невидимая колесница.

Небо по-прежнему было безжизненным, и солнце нещадно жгло их глаза, поэтому крестьяне поспешили снова опустить головы. Но один из них задержал свой взгляд несколько дольше, и именно поэтому он увидел то, что, собственно говоря, для его глаз не предназначалось.

Два американских суперистребителя «Раптор», поднятые по тревоге с авианосца «Аляска», свечами взмыли в небо в поисках источника грохота. Солнце, отражаясь от их крыльев, пустило свои лучи в разные стороны, и один из этих лучей как раз угодил в глаз крестьянину.

Смахнув выступившую слезу, он продолжил наблюдать за небом и увидел, как «Рапторы» ушли в стратосферу, скрылись там на какое-то время, а потом камнем упали вниз. Прошли на бреющем вдоль берега, рискуя пересечь границу суверенного государства и, сомкнув строй, начали заходить на посадку.

Видимо, источник странного звука ими не был обнаружен. Когда до посадки истребителей на палубу оставалось несколько секунд, над морем вдруг появилась она... Гигантская женщина в золоченых доспехах грозной воительницы из племени амазонок. Она неспешно шла по морю по колено в воде и смотрела перед собой, как будто рассматривала камушки под ногами на мелководье. На ее крутом боку мерно покачивался обоюдоострый меч. Одной рукой она придерживала его, другой – держала круглый щит. Ее лицо было закрыто шлемом с забралом и ярким золотым оперением. Ее движения не вызывали никаких колебаний воды.

Огромный авианосец, целый плавучий город, на ее фоне казался маленьким игрушечным корабликом, а верхние кромки мачты стоявшего рядом крейсера «Тикондерога» едва доходили до нижнего края ее юбки.

Авианосец и крейсер дежурили возле границ с Колумбией по постановлению ООН с целью предотвращения террористических актов, а неофициально – охраняли те самые плантации коки, на которых трудился крестьянин.

Женщина совершенно не замечала людей на палубе авианосца, которые столпились на одном борту и показывали пальцами в ее сторону. Она просто шла по морю куда-то в сторону.

«Рапторы» на форсаже прошли над палубой авианосца, так и не коснувшись его стальной платформы, спешно сделали боевой разворот и пошли с ней на сближение. Они поднялись на уровень ее глаз и пролетели прямо перед ее носом. Женщина на секунду остановилась и проводила самолеты взглядом. Это было похоже на то, как будто две маленькие мухи прожужжали возле уха и сделали оборот вокруг головы женщины. Потом еще один и, наконец, оказались в такой близости от ее лица, что было ясно – еще чуть-чуть, и они в нее врежутся.

Гигантская женщина подняла руку – ту, в которой был щит – и выставила его перед собой. Это движение было такое искренне женское, безобидное. Она просто закрыла им свое лицо, но два истребителя стоимостью в один миллиард долларов каждый, воткнулись в щит с весьма характерным звуком.

Чпок. Чпок.

Воительница опустила руку, и то, что осталось от самолетов, скатилось по наклонной плоскости щита в воду. В небе остались висеть два белых парашюта. Женщина удивленно посмотрела на них и поискала глазами источник раздражающего жужжания. Его не было. Она облегченно вздохнула, повернулась спиной к кораблям и продолжила свое движение. Она даже не обратила внимания на то, что на авианосце завывала сирена тревоги, а на крейсере прозвучал сигнал «Приготовиться к атаке!». Буквально через секунду в спину амазонки грохнул залп противокорабельной артиллерийской установки.

Женщина изогнулась и схватилась за поясицу так, как будто почувствовала укусы пчелы. На ее лице появилась гримаса боли и досады. Женщина медленно развернулась, вынула из ножен свой меч и подняла его высоко над головой. Меч ярко вспыхнул в лучах солнца. Казалось, что его острие коснулось светила, и от этого клинок накалился добела.

С крейсера грохнул еще один залп. Его снаряды были направлены в живот воительницы. Она прикрыла его своим щитом и взмахнула рукой. Столб огня обрушился на крейсер, как скальпелем разрезал его на две неровных половинки. Вода под кораблем – там, где прошелся меч, – забурлила, вспенилась и расступилась. От высокой температуры дно океана высохло. Две половинки линкора сложились и с металлическим звоном упали вниз с километровой высоты, воткнулись в сухой песок как две никчемные железки. Дзиньк. Дзиньк. Когда меч вышел из воды, океан снова сомкнулся, а от одного из самых мощных боевых кораблей США не осталось даже масляного пятна на поверхности воды. Как будто его и не было. На все ушло пару мгновений.

Женщина убрала меч в ножны, погрозила пальцем авианосцу, на палубе которого все от ужаса превратились в соляные столбы, потом приложила палец к губам, призывая всех молчать, и... исчезла, словно выключила свое изображение с экрана.

По небу снова прокатился грохот небесной колесницы, теперь уже по направлению от океана в сторону джунглей...

Когда все стихло, крестьянин снова опустил голову и продолжил мотыгой обрабатывать грядку. Ему надо было торопиться, чтобы догнать своих товарищей.

Вечером, сидя у костра и покуривая трубку с листьями коки, он спел им песню о небесной богине в золотых доспехах. И о том, как она поразила своим мечом злых людей на больших кораблях, и ей за это ничего не было.

Песня так понравилась его товарищам, что они запомнили ее и исполнили на празднике урожая в соседней деревне. В это время там присутствовала съемочная группа телеканала ВВС. Они делали передачу о местных традициях и записали песню на камеру...

Двадцать пять лет назад. 80-е годы. Закрытый город Петляков в 45 километрах от Москвы. Вечер. Отдел перспективных разработок ЦАДИ (Центрального Аэродинамического Института)

– Таким образом, мы получаем подъемную силу, достаточную для преодоления земного притяжения, – академик Руденко, присев на край стола, не отрываясь следил за Евгением Журавлевым, который с каллиграфической четкостью выводил на грифельной доске схемы подъемной силы, – а при некоторых изменениях в формуле топлива мы можем добиться того, что коэффициент полезного действия двигателя достигнет уровня порядка.

Со стороны могло бы показаться, что старый седой учитель принимает экзамен у своего ученика. Со всклокоченными волосами, в мятых джинсах и вытянутом свитере Евгений сильно походил если не на школьника, то точно на голодного студента первого курса. Но это было обманчивое впечатление. Евгений был уже опытным специалистом по реактивным двигателям, а сегодня, после убедительного доказательства своей теории, в понимании Руденко он мог претендовать на роль гения. По его словам выходило, что если на самолет установить двигатель новой схемы и заправить его топливом соответствующей формулы, то этот аппарат

мог бы без дозаправки чуть ли не два раза обогнуть земной шар с грузом, равным весу двух товарных составов. При этом скорость самолета могла многократно превысить скорость звука. Естественно, вслух о гениальности своего ученика произнесено не было ничего.

Придав своему лицу как можно более недовольный вид, Руденко сказал следующее:

– Ну, что ж, Женя, ваша идея достаточно интересная! Правда, ее уже пытались использовать американцы. Но... – придумать что-то убедительное, что могло бы соответствовать ситуации, профессор не смог, поэтому отделался побряхтыванием и покашливанием в кулак, – обсудим ваш проект более детально отдельно. Позже. Сейчас, пожалуй, посмотрим, что же приготовил для нас Андрей.

Вслед за Евгением к грифельной доске подошел молодой человек – полная противоположность Евгению. Здоровый как бык, с красным лицом, он походил на кряжистого грузчика с железнодорожного вокзала, а не на работника интеллектуального труда. Фиолетовый синяк под правым глазом делал выражение его лица несколько глуповатым. Не спасали даже большие очки в роговой оправе, которые он надел перед тем, как взять в руки мел.

И, тем не менее, как оказалось, с мелом и формулами Андрей управлялся так же свободно, как и его товарищ.

– Мы с ребятами из НИИТа провели некоторые испытания с новой нейронной схемой, – Андрей, кашлянув в кулак, начертил на доске интегральную схему, – и можем утверждать, что система, которую мы предполагаем использовать в дальнейшем, позволит нам кардинальным образом изменить принцип управления летательным аппаратом. В перспективе – она может стать основой как пассивной, так и активной системы защиты самолета. Позволит сделать самолет невидимым для радаров противника, при этом сам пилот сможет легко видеть небо далеко впереди себя и вести одновременно до 600 целей. Правда, – Андрей на какое-то время задумался и смешно укусил собственную руку с мелом, – вполне возможно, потребуется существенным образом переделать кабину самолета, да и пилоту потребуется более серьезная психологическая подготовка.

Хлопнула дверь лаборатории.

– Простите, что опоздал!

Вся тройка обернулась на вошедшего. Смуглый парень, очень похожий на итальянца, в летной коричневой куртке, с папкой бумаг подмышкой и здоровенным портфелем, из которого торчали рулоны ватмана, быстро подошел к столу профессора и крепко пожал всем руки.

– Ринат, ну что случилось?

– Извините, извините, были неотложные дела!

О природе этих дел весьма откровенно сообщал след красной помады на небритой щеке Рината. Все улыбнулись. Ринат достал из портфеля чертежи, и про красную помаду все мгновенно забыли.

– Смотрите, что я придумал!

На белых листах был нарисован самолет с нестандартной формой крыльев и компоновкой хвостового оперения. Не давая никому опомниться, он достал из портфеля еще несколько листов бумаги, на которых были нарисованы другие детали самолета.

– Ребята, уверяю вас, если мы сможем создать этот самолет, то это будет самый маневренный самолет, который только можно представить в условиях воздушного пространства, – на секунду задумался и добавил, – да и в космосе, наверное, тоже.

– И при этом он сможет взлетать и садиться на клочке земли, равной размеру чуть ли не с поздравительную открытку, – в унисон Ринату проговорил Руденко.

Все заулыбались, но Ринат не понял юмора.

– Ну да, изменяемая форма крыла, изменяемая форма планера и хвостового оперения – все это позволит.

– Когда я мечтаю, я ни в чем себе не отказываю, – осадил Рината Руденко. – Не спешите. Пока это, к сожалению, лишь наши теоретические разработки. Мечты. Хоть и, не спорю, с серьезными претензиями на реальность. Лучше посмотрите, что я вам покажу.

Академик покопался в кармане своего пиджака и извлек из него металлическую пластину размером со школьную линейку. Сначала он подкинул ее в руке, демонстрируя необыкновенную легкость, а затем согнул в трубочку, показывая ее гибкость.

– Ребята из института стали и сплавов подарили, – пояснил он происхождение металла. – Говорят, что сделан из осколка лунной поверхности. Называется жидкая сталь. Металл двадцать второго века. Самолет из этого материала, с точки зрения прочности и легкости, сможет легко поспорить с... не знаю с чем. Таких самолетов еще не придумали.

И добавил:

– Вполне вероятно, металл обладает и другими полезными свойствами: например, снижает уровень излучения. Вот, кстати, с кого нам пример надо брать. Они уже смогли синтезировать этот металл и готовы даже наладить производство.

Когда Анатолию Евгеньевичу Руденко, академику РАН, ученику знаменитого Петлякова, предложили возглавить отдел перспективных разработок ЦАДИ, Центрального Аэродинамического Института, он, не задумываясь, согласился. О зарплате не спросил, но поставил одно условие: сотрудников набирает сам.

Ему разрешили это сделать. Руденко объехал несколько профильных учебных институтов и предложил там всем третьекурсникам пройти практику в его отделе. Условия были следующие. Каждый желающий работать под его руководством должен был после жесткого экзамена по теории самостоятельно собрать дельтаплан или планер, а затем также самостоятельно испытать его в действии во время летней практики у подножия Кавказских гор, соревнуясь с орлами в умении парить в воздушном потоке.

Конечно, сложно было даже надеяться, что в конце первого столетия самолетостроения, когда самолет в небе стал таким же обыденным предметом, как нож и вилка на столе, кто-то согласится на такой, в прямом смысле слова, сумасшедший эксперимент. И, тем не менее, три студента из трех различных институтов: Евгений Журавлев, Андрей Антонов и Ринат Регулаев – во-первых, согласились на него; во-вторых, дошли до конца этого испытания; а в-третьих, решили стать сотрудниками отдела перспективных разработок Центрального Аэродинамического Института, несмотря на то, что им предложили гораздо меньшие оклады, чем предлагали на тех же должностях в других известных ОКБ и авиационных институтах.

Собственно говоря, Руденко не сомневался, что нашел в их лице единомышленников, которые были, так же как и он, готовы практически на все ради глобального прорыва в самолетостроении. Они все были в буквальном смысле больны авиацией, больны на всю голову. Все их поступки и действия, все их мысли и желания были лишь производными от слова «авиация».

Такое редкое сочетание четырех талантливейших умов, помноженное на чертовское научное везение, уверенность в собственных силах, наглость, тонкий расчет, а также большие амбиции и фантастическая проникательность смогли бы дать самолетостроению нечто такое, что принесло бы России беспрецедентное преимущество в самолетостроении на многие годы вперед.

Но вместо этого запомнилось современникам и вошло в анналы международной судебной практики как печально известное «дело академика Руденко».

Впрочем, обо всем по порядку.

Пятнадцать лет назад. 90-е годы. Аэродинамическая Труба Т-128 в городе Жуковский

Гиперзвуковая аэродинамическая труба Т-128 была построена буквально накануне перестройки. Ее создавали, чтобы испытывать поведение самолетов, скорость которых многократно превышала бы скорость звука. Мощные турбины гиперзвуковой трубы создавали внутри нее воздушные потоки, равные 20 МАХам, то есть двадцати скоростям звука. Самолету, летящему с такой скоростью, могло бы понадобиться меньше часа, чтобы облететь весь земной шар.

Однако любой металл при такой скорости подвергался чудовищной нагрузке. Уже через несколько секунд он разогревался до температуры, достаточной для поджаривания на нем яичницы. В случае аварии на таких скоростях самолет разваливается в мгновение ока, превращаясь в пыль.

Для избегания подобных проблем и была создана труба Т-128. Предполагалось, что она будет работать в три смены. Специально для этого в трубе был спроектирован съемный модуль, который позволял вынимать одну модель после продувки, а вместо нее вставлять новую модель, и так без перерыва.

Советский Союз знал формулу, известную еще со времен римской империи: «Хочешь мира – готовься к войне!» Именно поэтому на военные и перспективные разработки в СССР денег не жалели.

У демократов были другие приоритеты, однако и после перестройки труба не осталась без дела. Предприимчивые чиновники от науки, как только появилась возможность заниматься коммерцией, зарегистрировали фирмочку, которая занялась производством высококачественного паркета. Паркет производился малыми партиями, стоил баснословных денег и, поскольку обладал высокой прочностью и качеством, пользовался большой популярностью у нуворишей. Такое качество стало возможным исключительно благодаря тому, что материал для паркета сушился в гиперзвуковой трубе.

Нет, конечно, основателям фирмы в оригинальности не откажешь. Все-таки, когда вся наука накрывалась в стране медным тазом, их можно было понять. И, тем не менее, использовать трубу для таких целей – это все равно, что компьютером гвозди забивать.

– Ну что, Яков Модестович, – произнес Анатолий Евгеньевич, прихлебывая кофе из небольшой чашечки, глядя в лицо своему собеседнику. – Просрали мы советскую, самую передовую в мире авиационную науку?

Они сидели в недавно открывшейся кофейне напротив главного корпуса ЦАГИ. Кофейня называлась «Магеллан», у ее входа дизайнеры водрузили штурвал старинной каравеллы. Смотрелось красиво, но напротив центра мировой авиационной науки, в центре города, который был создан знаменитым авиаконструктором, эта кофейня с морской тематикой выглядела как насмешка. Еще большей насмешкой выглядели оранжевые панели модного боулингклуба «Лагуна», который был сделан на месте рабочей столовой института.

– Что тут поделаешь, Толя? – Старый еврей вообще-то не собирался дискутировать на давно уже избитые темы. – Мир сошел с ума! Стране больше не нужны самолеты, они хотят ходить по паркету, а не летать, как птицы.

Ему, человеку, который стоял у истоков создания института, который больше половины своей жизни отдал самолетостроению, было больно смотреть на все, что происходит вокруг; но выстрадавший веками национальный характер подсказывал ему, что нет смысла кричать на ветер, лучше пригнуться и подождать, когда буря утихнет. Все, что останется после урагана, обязательно даст всходы.

Кстати, именно поэтому он и не отказался от должности начальника трубы, когда в ней стали, по меткому выражению одного из его подчиненных, «жарить деревяшки», а всеми

силами старался сохранить на рабочих местах людей, которые были бы способны, если понадобится, провести испытания самолета.

– Да, ничего особенного тут не сделаешь, – Анатолий Евгеньевич нагнулся вперед и шепотом произнес: – И все же я прошу тебя помочь.

– Чем, Толя?

– Ты еще в состоянии продуть в своей трубе одну модельку!

Яков Модестович удивленно поднял брови. Нет, не то, чтобы он забыл, как это делается. Просто, если честно, он уже давно не слышал таких предложений, а в нынешних условиях оно вообще попахивало авантюризмом и насмешкой. И если бы предложение исходило не от Руденко, он бы послал такого просителя далеко и надолго.

– Да, что ты, Анатолий, – Яков Модестович слегка прищурился, – разве это возможно? Ты же знаешь, как сейчас у нас строго. День и ночь паркет греем.

Руденко медленно размешал остатки кофе по дну чашки.

– Ну, ночью – то, пожалуй, труба молчит!

– Ночью труба молчит, твоя правда, – Яков Модестович снова прищурился, – а что за моделька-то? Серьезная вещь или так? Что-то вроде очередной игрушки для нефтяников?

Руденко достал из кейса ноутбук.

– Может и для нефтяников, а может, и нашим ВВС пригодится.

Это была одна из первых моделей портативных компьютеров. Такие были только у особо продвинутых коммерсантов, поэтому Яков Модестович с интересом смотрел на то, как загружается операционная система, и ждал, когда экран компьютера засветится голубым светом. Минут через пять, когда после нескольких нажатий кнопок на экране появились чертежи самолета, Яков Модестович достал из кармана потертого пиджака очки, протер линзы салфеткой и нацепил их на свой мясистый нос.

– Ну-ка, ну-ка, посмотрим, что там ты придумал?

– Да уже не я, а скорее, мои ребята. Моего здесь не больше пяти процентов.

– Не скромничай, Толя, не скромничай. Сейчас это ни к чему.

Рассмотрев чертежи, он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. В таком виде он стал очень похож на старого седого филина. Молчал филин около пяти минут. Анатолий Евгеньевич даже заподозрил, что старик уснул.

Наконец, он открыл один правый глаз.

– А ты знаешь, Толя, сколько это будет стоить?

Анатолий Евгеньевич достал из портфеля аккуратную пачку долларов и, положив ее на стол, накрыл ладонью.

– Это задаток. Только нам очень важно, чтобы это испытание не проходило ни по каким бумагам. А то, сам понимаешь, могут приписать все что угодно.

Яков Модестович снова закрыл глаза и ушел в себя. Когда же вернулся, то он уже решил, как они смогут провести испытания самолета таким образом, чтобы это не стало заметно со стороны. Протянув руку, он аккуратно вытянул пачку долларов из-под руки Руденко и, подкинув ее в руке, произнес:

– А помнишь, Толя, как Андрей Николаевич говорил: «Красиво летают только красивые самолеты!»? Может, он прав? А?

– Так вот давай и проверим.

– Ну, что ж, давай!

Десять лет назад. Период перестройки, конец 90-х. В начале перестройки проектом Руденко активно заинтересовался генерал Руцкой. На реализацию проекта он смог продать в военном ведомстве значительные по тем временам средства. Еще до первого дефолта удалось закупить на эти деньги «жидкую сталь», собрать на Рыбинском заводе двигатели и синтези-

ровать на нефтяном заводе в Грозном несколько цистерн специального топлива. Собственно говоря, самые затратные части проекта. Появились реальные перспективы, что первый опытный образец будет доведен до летного образца, но...

Как всегда, вмешалось злополучное «но».

Руденко сообразил, что из военного ведомства больше не будет возможности выбить ни копейки, сразу, как только по телевизору показали репортаж о двух чемоданах компромата. Руцкой решил шантажировать ими кремлевских ребят, но просчитался и был сослан в Курскую область губернатором. За день до этого в институт на субсчет отдела перспективных разработок из Министерства обороны пришли средства на проведение предварительных работ. Анатолий Евгеньевич уже даже заготовил соответствующие платежные документы для перечисления их в Нижний Новгород, где для нового самолета как раз должны были собирать кабину. Посмотрев репортаж, Руденко порвал все бумаги и созвал своих сотрудников на экстренное совещание. Всем отделом было принято решение доводить самолет до летного образца самостоятельно. Несмотря ни на что. Но для того, чтобы сделать два шага вперед, пришлось сначала сделать один шаг назад.

Специально для этого была зарегистрирована фирма «ЖАРР», которая поначалу стала заниматься оптовыми поставками канцелярских товаров. Первые средства для закупки первой партии позаимствовали как раз из последнего денежного вливания Министерства обороны.

Как ни странно, но дела у фирмы с первых дней пошли успешно. Компания весьма удачно и вовремя вышла на российский рынок, а к концу перестроечного периода фирма уже превратилась в крупный и многопрофильный концерн, вся прибыль которого шла на создание и доведение самолета.

В итоге, первый и пока единственный образец самолета шестого, а, может быть, даже и седьмого поколения, был собран и подготовлен к летным испытаниям к концу ельцинского правления.

Часть 1

Глава 1. 10 мая 2008 года

Город Петляков. Баня-сауна «Фонда развития боевого самбо» при спортивном клубе «Стрела» профсоюза ОКБ им. Петлякова. 20–00.

...В комнате отдыха при бане находилось четверо: Анатолий Евгеньевич Руденко, профессор Российской академии наук и президент корпорации «ЖАРР», Виктор Иванович Иванов, мэр города Петлякова, и Вадим Вадимович Чертков, президент «Фонда развития боевого самбо». Друзья называли его «Чертом». Более точно о роде его деятельности могли бы сказать весьма характерные рисунки в виде перстня на пальце и паука на запястье.

Четвертым был представитель следующего поколения бойцов, один из учеников Руденко, мастер спорта по самбо, бывший младший научный сотрудник отдела перспективных разработок ЦАДИ Ринат Регулаев, а ныне – вице-президент корпорации «ЖАРР», отвечающий за связи с общественностью.

Они только что вышли из парилки и потому имели умиротворенный и благостный вид. Все четверо были обернуты белыми простынями на манер римских патрициев, и если бы не стандартный набор заядлого российского парильщика: несколько бутылок «Жигулевского», пачка томатного сока, фисташки, вяленая рыба, – можно было бы подумать, что действия происходят не в заброшенном городе на окраине Московской области, а где-то в окрестностях Рима во времена расцвета Священной Империи.

Виктор Иванов вышел первым и, сев за стол, принялся разливать пиво по кружкам. Вслед за ним вышли Руденко и Регулаев, последним был Чертков. Виктор Иванов, не отрываясь от ответственного занятия, спросил у Руденко:

– Ну что, Толь? Хватит светиться как пряник. Говори, по какому поводу собрание.

Анатолий Евгеньевич, затянутый по пояс простыней, устало плюхнулся на промятый и уже выдавший виды диван, отхлебнув из кружки пенного напитка, и обратился к Регулаеву:

– Ринат, давай, показывай!

Потом повернулся к остальным товарищам.

– Сейчас увидите.

Ринат полез куда-то под стол и достал из кейса ноутбук. Расчистил на столе место, поставил ноутбук на стол и включил его. После загрузки операционной системы открыл несколько папок на рабочем столе и запустил видеофайл.

В тишину парилки ворвался шум океанского прибоя, и все четверо увидели запись, сделанную на камеру мобильного телефона с борта авианосца, как золотая богиня высоко поднимает в небо свой меч и обрушивает его на американский крейсер. Несмотря на нечеткость изображения, камера отлично запечатлела всплеск сходящейся воды и крики матросов. Затем камера повернулась, и пожилой мужчина в офицерской фуражке прокричал в камеру что-то вроде «О, мой бог! Спаси Америку!» Запись была короткая. Не более тридцати секунд. Когда она закончилась, Ринат ее прокомментировал:

– По нашим каналам прислали через пять минут после событий. Ни в Интернете, ни в официальных СМИ больше никаких намеков на событие. Все молчат как рыба об лед. Переваривают...

На какое-то время в комнате отдыха воцарилась тишина, которая нарушалась только хрустом воблы.

– Да уж, ребята! Вы дали. Такое учудить. Впечатляет. Машка твоя, Толик, просто красавица, – Виктор Иванович оторвал голову леща и принялся очищать его от чешуи. – Хотя, не скрою: кажется, с Родиной-матерью вы переборщили.

Регулаев открыл пачку сока и налил себе полный стакан.

– Не переборщили, Виктор Иванович! Все тонко рассчитано. Это намек, что разработка из России. Скоро будет очередной авиакосмический салон в Жуковском и Ле-Бурже, и я думаю, мы на нем уже сможем показать нашу «Жар-птицу» во всей красе. И потом, на самом деле ведь никто не пострадал. Это ведь было всего лишь массовое воздействие на подсознание, программа «Золотое перо».

Регулаев покосился на Руденко.

– Ну, если не считать двух «Рапторов» и пилотов, которым пришлось немного помокнуть. Впрочем, они сами виноваты. Нечего было лезть на рожон.

Чертков с грустью посмотрел на своего старого приятеля и покачал головой.

– И вы думаете, что америкосы их вам простят? Они после кризиса за каждый доллар трясутся.

– Простить, конечно, не простят, но и виду не покажут, – проговорил Руденко, не отрываясь от разделки воблы. – Сейчас другие времена. Если им предложить купить технологию, то они ее купят. Как пить дать.

– А ты собираешься ее продавать? – слегка удивленно переспросил Чертков академика.

– Да, собираюсь.

– Кому?

– Американцам, китайцам, арабам, тому, кто больше предложит. Сейчас рынок, и нам нужны деньги, чтобы вернуть вложенные инвестиции. Тут не до патриотизма.

– А нашим?

– А нашему государству ничего не нужно. Весь проект за свои деньги потянули.

Чертков усмехнулся.

– Так уж и за свои.

– Ну, не за свои. За народные.

– Украденные.

– Нет, одолженные. И, между прочим, ты сам помогал нам их одалживать.

Руденко оскалился, и хотел было что-то возразить, но его остановил Иванов. Он всегда мирил старых спорщиков.

– Стоп, стоп, стоп, ребята. Накладываю мораторий на темы о политике и о деньгах, – прервал своего приятеля Виктор Иванович. – Как мне все это надоело. Коммунизм, капитализм. Разборки, страховки, инвесторы. На работе житья от этого нет. РМН совсем обнаглели, уже с чемоданом на ла ко мне в кабинет приходят. Только бы я подпись поставил под этим гребаным обращением в кабинет Министров.

Он махнул с досады рукой и, немного помолчав, продолжил:

– Не о том мы сейчас должны говорить! Не о том! Толь, помнишь, как в студенческие годы мы мечтали о покорении космоса, о том, что поведем в дальние миры суперсовременные ракеты, и ведь ты сделал это...

– Сделал, Витя, а что толку? – поддержал тему Руденко, уводя ее со скользкой дорожки. – Мы всегда думали, что космическое пространство откроет перед нами безграничные возможности. Что мы найдем во Вселенной братьев по разуму. Но там ведь никого нет. Мы одни во Вселенной! Мы – дети обезьян и наша земля для нас клетка.

Виктор Иванович встрепенулся.

– Ну, ты не прав, Толя. Может быть, конечно, мы и дети обезьян, но только с одной стороны. По папе или по маме, а с другой стороны к нашему появлению приложил руку кое-кто другой.

– Бог, что ли? – задал встречный вопрос Регулаев. – В смысле, «... и сотворил Бог землю за семь дней».

Виктор Иванович подбоченился и принял позу оратора.

– Может быть, и Бог. Вернее, тот, кого мы так называем.

– В смысле? – переспросил Ринат.

– Вот ты когда-нибудь задумывался, почему теория Дарвина, несмотря на свое вековое существование, так и осталась теорией?

– Почему теорией? Разве мало при помощи селекции выводилось новых видов собак там, или кошек?

– А вот обезьяну, – радостно воскликнул Иванов, – которая стала бы говорить, так и не удалось вывести.

– К чему вы клоните?

– Лично я склоняюсь к идее, что в свое время произошло удачное кровосмешение с инопланетной и более развитой расой. И именно эта раса до сих пор нами управляет. Кстати, могу легко это доказать.

Он оглядел всех присутствующих и, не увидев возражений, продолжил:

– Ну, это выглядело примерно так. На заре цивилизации, когда по земле еще бегали динозавры, и только-только начали появляться обезьяны, к нам прилетели инопланетяне, человекоподобные особи. Приземлились они, скорее всего, в Тибете. Как известно, именно там зародилась самая древняя религия. В результате аварии (видимо, посадка была не мягкая – горы все-таки) их корабль сломался. Они послали сигнал о помощи и принялись ее ждать. Помощь не пришла. Им пришлось обживаться и приспособливаться к новым условиям жизни. Может быть, и даже не может быть, а наверняка, для сохранения рода кто-то из первых поселенцев согрешил с обезьяной, передав обезьянам часть своих генов. В конце концов, по законам генетики (вот тут Дарвин угадал) это кровосмешение как раз и привело к созданию «человека разумного». Но...

Виктор Иванов поправил простыню на плече (она висела у него на манер римской тоги) и поднял вверх указательный палец.

– Генами они нас наделили, а вот всех знаний об истинном положении вещей нам с вами никто передавать не собирался. Их передавали только своим: высшей касте жрецов и правителей, голубой крови. Полукровкам же давали только фрагментарные знания. Только физику.

Он показал рукой на Руденко.

– Или только лирику.

Перевел руку на Черткова.

– Так легче нами управлять было, делать из нас рабов, слуг.

Но это я уже вперед забегаю. С гор пришельцы перебрались на равнину. В район Нила. При помощи своих знаний они подчинили себе первобытные племена полулюдей-полуобезьян и заставили их строить пирамиды, первые обсерватории для наблюдения за небом. А вдруг к ним прилетит помощь? И помощь прилетела, но приземление также было неудачным. Удар о землю был такой силы, что земная ось наклонилась, и случился Великий Потоп. Помните, Ною никто не верил, а он предупреждал. А откуда он мог знать? Видимо, был один из этих, из потомков инопланетян. Но к тому времени информация, знания об истинном положении вещей, передаваемая от одного поколения инопланетян к другому, уже потеряла практический смысл. Дети, рожденные на Земле, пусть даже и чистых кровей, считали ее своим домом. И не верили.

Кстати, это не такой уж и долгий процесс. Максимум три поколения. Цари, верховные жрецы, прямые потомки пришельцев, продолжали смотреть на звезды, на небесные светила, но уже не всегда понимали «зачем». Вот, чтобы они не забыли этого, после потопа и была придумана держава – макет, модель земного шара, глобус. Как память и одновременно символ

власти. С тайным смыслом. Тот, кто держит в руке державу, тот и держит в руке мир. Вот тут, кстати, еще вопрос на засыпку. Когда стало известно, что земля круглая?

– Ну... Когда Магеллан обогнул на своем корабле земной шар.

– Вот, а что было раньше: Магеллан со своей кругосветкой или держава?

– Держава, конечно. Это древнейший символ власти.

– Что и требовалось доказать: пока мы, «человеки разумные», доходили до всего своим умом, кто-то уже все отлично знал.

– Красиво слагаешь, Виктор. Понятно, почему тебя с твоими взглядами не взяли в МАИ, – Анатолий Евгеньевич прищурился. – Но вот только царей-то и жрецов уже давно нет.

– Царей нет, есть их потомки, «голубая кровь», которые сейчас контролируют транснациональные корпорации и при помощи финансовых рычагов тайно управляют всей нашей планетой. И ждут, когда проблемы экологии и перенаселенность превысят все мыслимые пределы. Как только станет ясно, что планета загрязнена окончательно, и лишнее население нельзя будет убрать безболезненно для себя, то есть при помощи только огнестрельного оружия или управляемых вирусов, то они взорвут весь ядерный запас планеты, а сами спокойно сядут на ракеты класса «Протон», «Энергия». Ну и «Дискавери», конечно. И упорхнут на другую планету. Правда, думаю, есть два важных фактора. На всех счастливых ракет все равно может не хватить. Кроме того, потомкам жрецов понадобятся квалифицированные кадры для управления этой техникой.

Вот поэтому, – Иванов обратился в сторону Руденко, – и только поэтому я всегда поддерживал тебя и твоих ребят во всех твоих разработках. Уверен, что наш город с нашим уникальным институтом и его уникальными разработками в области самолето-ракетостроения и ваша «Жар-птица», в том числе, рано или поздно будут очень востребованы. Придет время, и мы сможем поторговаться с ними за место под солнцем. И не только для себя.

Тут он повернулся к Черткову и продолжил:

– За народ тоже слово замолвим.

– Эх, Витя, ты всегда был сказочником, – вдруг вступил в разговор Чертков и хлопнул себя ладонями по коленям. – Если бы я знал, какие мысли бродят у тебя в голове, то никогда бы не поддержал тебя на выборах.

Он усмехнулся и потрепал своего старого приятеля по плечу.

– Да ладно-ладно, не обижайся. Извините, ребята, мне пора. Увидимся завтра на попечительском совете городского музея.

Уже на выходе Чертков обратился к Руденко.

– А насчет продажи технологий, Толя, я с тобой завтра поговорю. Хорошо?

– Договорились, – ответил ему академик, – обсудим.

Оставшаяся тройка просидела в бане еще около двух часов, обсуждая достоинства и недостатки теории инопланетного происхождения человечества. Разошлись они за полночь. На следующий день Виктора Ивановича Иванова убили в подъезде собственного дома, когда он в девять часов утра выходил на работу.

Убийца подкараулил всенародного избранного и всеми любимого мэра в подъезде дома и выпустил в него целую обойму из пистолета. Прибывшая на место происшествия скорая помощь констатировала смерть от многочисленных пулевых ранений в голову.

Примерно через полгода после событий в Венесуэле. 18 ноября 2008 года. Россия. Московская область. Третье кольцо системы ПВО города Москвы. Где-то в районе Серпухова. Центр слежения за воздушными объектами. 7 часов 45 минут

На экране локатора ярко вспыхнула отчетливо видимая точка. Она появилась не с краю экрана, как это обычно бывало, когда луч радиолокационной станции слежения захватывал какой-то летающий объект, следующий в зоне видимости, а сразу посередине, ни с того ни с сего. Вдруг.

Полковник Воробьев чертыхнулся и позвал своего заместителя, подполковника Хлебникова:

– Володь, иди сюда! Смотри! Что это?

Вместе они успели зафиксировать эту точку еще в течение двух оборотов луча.

Один оборот луча на экране радара соответствовал одной секунде времени. Точка явно двигалась, причем двигалась с фантастической скоростью по совершенно безумной траектории. Получалось, что за эти три секунды она смогла преодолеть расстояние почти в тысячу километров. Это было бы невероятным, если бы не было фактом.

Офицеры переглянулись.

– Что это, блин, такое может быть?

– На самолет не похоже. С такой скоростью вроде еще никто не летает.

– На ракету тоже. Скачет по всему экрану, как заяц.

– Что будем делать? – спросил Воробьев, хмуря брови.

Подполковник Хлебников пожал плечами.

– Первый раз цель зафиксирована в районе города Петлякова. Там есть старый аэродром научного института. С него уже давно никто в такую рань не взлетает. По крайней мере, у нас нет никаких заявок ни от ученых, ни от спортсменов, ни от бизнесменов, которые приписаны к нему. В это время небо здесь должно быть чистым. На всякий случай лучше позвонить туда, пусть диспетчер доложит обстановку.

Полковник Воробьев согласно кивнул головой и взялся за телефон. Диспетчер петляковского аэродрома доложил, что их радар ничего не зафиксировал, но они слышали некий звук, как будто над взлетной полосой пролетел реактивный самолет. Полковник Воробьев выругался в трубку, сказав, что доложит начальству об их непрофессионализме и употреблении алкоголя на рабочем месте, потом положил трубку и тут же нажал кнопку селекторной связи.

– Надо поднимать дежурную группу, – сказал он вслух, ни к кому конкретно не обращаясь. – Пусть посмотрят, что там да как. Все спокойнее будет.

И уже строгим голосом добавил в переговорное устройство:

– Я полста первый. Дежурную группу срочно на вылет.

После того как полковник отдал приказ, зеленый луч сделал еще несколько оборотов по экрану радара, но локатор больше не увидел в небе ничего подозрительного. Лишь через две минуты с краю экрана вспыхнули две точки, которые двигались по экрану в строгом соответствии с физическими законами Земли.

Это взлетела в небо дежурная двойка истребителей-перехватчиков «МиГ-31» из полка противовоздушной обороны Москвы.

Подполковник Хлебников посмотрел на часы и довольно хмыкнул:

– Строго по нормативу. Молодцы.

Щелкнув несколькими тумблерами, он настроил рацию на волну самолетов и крякнул в микрофон:

– Я полста второй. Кто в небе, орлы? Доложитесь!

В колонках раздался хриплый, искаженный динамиками голос командира двойки.

– Я – утка – семь, мой ведомый – утка – восемь. Взлетели, ожидаем дальнейших приказаний.

– Иволгин, ты?

– Так точно, товарищ подполковник. Куда лететь-то?

– В сектор 13, это где-то рядом с Петляковым, – проговорил подполковник Хлебников, косясь на экран радара. – Приказываю обнаружить цель и установить с ней визуальный контакт. В случае потенциальной опасности для охраняемого объекта цель сбить.

– Ясно, сделаем. А что за цель-то?

Полковник Хлебников поднес микрофон к губам и почти шепотом сказал:

– Ребята, ничего конкретного сказать не могу. Первый раз цель была обнаружена в 7-41 в седьмом секторе на высоте 1500. В 7-42 цель уже была в секторе 22 на высоте 2500, а в 7-43 – в секторе 13 на высоте 500. В 7-44 – цель вообще исчезла с экранов радара и больше пока не появлялась. Так что, что это такое, понятия не имеем. Это и предстоит выяснить как раз вам.

– Вас понял. Выясним! – отрапортовал капитан Иволгин.

– Дело ясное, что дело темное! – вторил ему его ведомый, старший лейтенант Седых, – лети туда – не знаю куда, найди то – не знаю, что. Прямо как в сказке! Только ведь и так понятно: либо – стая ворон, либо – пацаны воздушного змея испытывают. Как пить дать!

– Отставить разговоры, «Утка – восемь»! Следи за небом. Наше дело утиное – прокрякать, а там хоть трава не расти.

– Есть отставить разговоры.

Окончанием разговора были два реверсионных следа в голубом небе. Сверхскоростные истребители «МиГ-31», заложив крутой вираж, набрали заданную высоту и скорость, взяли курс на сектор № 13. Согласно расчетному времени, они должны были прибыть в заданный район через четыре минуты.

Оба пилота были абсолютно уверены, что их подняли в небо по пустячному делу. Им было ясно, что старшие офицеры просто перестраховываются. Скорее всего, под излучение радара действительно попала какая-то стая ворон или голубей. Ну, не бывает так, чтобы сначала что-то где-то появилось, а потом так же бесследно исчезло. Все в этом мире подчинено законам мироздания и чудес просто не бывает.

Именно поэтому они не обратили никакого внимания на большое белое облако, которое появилось из воздуха само собой прямо перед ними и чуть в стороне. Поравнявшись с истребителями, оно пристроилось в хвосте последнего самолета и летело вместе с воздушным патрулем секунд тридцать-сорок.

Потом облако поднырнуло под самолет старшего лейтенанта Седых и ушло со скольжением вниз к земле. В тот момент, когда облако пролетело под истребителем лейтенанта, он отреагировал на движение рядом со своим самолетом. Краем глаза почувствовал что-то довлеющее, тень – не тень, и посмотрел вниз.

Седых увидел, как облако скатилось вниз к земле, зацепилось за шпиль церкви и, облепив его, как сахарная вата, тут же начало менять цвет и форму.

– Командир, что это? Там внизу, – крикнул он в переговорное устройство.

За несколько секунд они улетели уже на приличное расстояние, поэтому капитан Иволгин был вынужден повернуть сильно голову, чтобы увидеть то, на что показывал ему его подчиненный, и все равно ничего не увидел.

– О чем ты, Седых?

– Да там какой-то странный туман.

– Что значит «странный»?

– Не могу объяснить.

– Туманы не входят в нашу компетенцию. Ищи что-то более реальное. Воздушные зонды, змеи, парaplаны, дельтапланы, радиоуправляемые самолеты, стаю птиц.

– Да, я понимаю, товарищ капитан, но...

Седых замолчал, пытаясь подобрать слова и, наконец, проговорил:

– Надо бы вернуться, командир. Давайте еще раз пролетим в том секторе.

И совсем по-детски добавил:

– Пожалуйста!

– Ну, раз ты так просишь, то давай вернемся. Все равно больше ничего не обнаружим!

Они развернулись и практически сразу увидели ее. В чистом голубом небе была отличная видимость, поэтому ее невозможно было не увидеть. Огромное лицо женщины, занимающее полнеба и искрящееся в ярких лучах солнца. И это был не образ иконы, хотя позднее на допросах Седых и называл это лицо Богородицею. Это было нечто иное. Живое женское лицо с большими бездонными глазами, которые с грустью смотрели на двух летчиков. И грусть эта была такой силы, что им обоим сразу захотелось выпустить штурвалы своих боевых машин и заплакать, как малые дети.

Потоки грусти накатили на них, как во время шторма волны накатываются одна на другую, с каждым разом становясь все опаснее и опаснее. И когда наступил девятый вал, Седых не выдержал.

– Командир, – закричал он истошным голосом, – прости меня, но я больше не могу!

В небе раздался хлопок, и катапульта выбросила пилота из кабины самолета. Капитан Иволгин сжал губы и с силой отвел лицо в сторону. Он увидел в небе ярко-белое полотнище парашюта, а когда повернул голову назад, то лика женщины больше не было. Оно снова превратилось в облако, которое вытянулось свечкой, и стало стремительно набирать высоту. Ощущение грусти прошло, и накатила волна злости.

– Врешь, не уйдешь! – прохрипел капитан Иволгин. Абсолютно не соображая, что делает, он потянул штурвал истребителя на себя, устремился в погоню за облаком. Он даже не попытался ответить на настойчивые призывы с диспетчерского пульта доложить о том, что происходит.

В свое время на истребителе МиГ-31 был поставлен рекорд высоты и скорости, поэтому какое-то время самолет и облако летели, что называется, «ноздря в ноздрю».

Очень скоро небо сменило окраску и стало иссиня-черным в звездную крапинку. Они вошли в стратосферу.

Сверхпрочный титановый корпус МиГа накалился докрасна, и готов был уже развалиться. Он буквально трещал по швам. Когда стрелка высотомера истребителя уперлась в крайнюю отметку и замерла, облако начало медленно отрываться от преследователя. Когда разрыв между самолетом и облаком составил уже более километра, у пилота от перегрузки пошла из носа кровь, и Иволгин оказался на грани потери сознания.

Еще несколько секунд, и мощные двигатели совсем прекратили тянуть его самолет вверх.

МиГ замер на месте. Он продержался в таком положении несколько секунд. У Иволгина начались галлюцинации. Ему показалось, что облако тоже прекратило свое движение и стало похоже на самолет, но очень необычной формы. Почему именно самолет, а не какое-то НЛО или ракету, он сказать не мог. Ему так показалось. И самое удивительное для него было то, что в самолете он увидел женщину. Ту самую, с бездонными глазами. Она как будто ждала его и звала за собой.

Но силы МиГа и пилота были на исходе.

Повинуясь земному притяжению, истребитель нехотя завалился на спину и начал падать. Иволгин отключился. Перед тем, как окончательно потерять сознание, Иволгин краем глаза успел заметить, что облако или женщина (а может, женщина верхом на облаке) вполне есте-

ственно, можно было бы даже сказать, жеманно, вздохнула и, не напрягаясь, полетела дальше. Туда, где начинался космос.

Иволгин пришел в себя, когда самолет вошел в вертикальный штопор, а высотомер показывал отметку 10 километров. Самолет трясло. Он почти не слушался рулей высоты и глубины. Только невероятными усилиями пилот смог снова подчинить себе грозную машину и на честном слове дотянуть с ней до аэродрома базирования.

Приземляться ему пришлось в аварийном режиме. Одна стойка шасси не смогла выйти из своей капсулы.

С момента взлета до момента приземления прошло не более 15 минут.

Глава 2. Тот же день. 8 утра

Кабинет Главы города Петлякова. Артем Николаевич Солодовников, бывший заместитель мэра города по строительству, а ныне новый мэр города Петлякова, недавно избранный после убийства Иванова, был по натуре жаворонком. Он не любил засиживаться на работе допоздна, а предпочитал приезжать в мэрию раньше всех.

Время до ежедневной планерки, которая начиналась в 10 часов утра, он тратил на встречи с многочисленными партнерами и инвесторами. В это утро он ждал в кабинете представителей корпорации «РМН». Они немного задерживались.

Он посмотрел на часы, висящие над входом в кабинет. Стрелки показывали 8–15. После представителей корпорации у него должна была состояться встреча с начальником местного отделения ФСБ. И он не очень хотел, чтобы они пересеклись.

Артем Николаевич встал, подошел к окну и нервно застучал пальцами по стеклу. С одиннадцатого этажа «Белого дома», так в простонародье называли здание администрации, открывался великолепный вид на заброшенные колхозные поля опытно-производственного хозяйства «Карпово». Шестьсот гектаров, ровной как стол, земли на берегу Москва-реки, в непосредственной близости от столицы, с удобными подъездными путями: шоссе, железнодорожный транспорт.

Он не сомневался, что представители РМН сегодня будут говорить с ним именно об этой территории.

Колхозные поля всегда были лакомым кусочком, а во время строительного бума – особенно. Сколько уважаемых людей побывало уже в этом кабинете, предлагая чемоданы денег в любой валюте мира за освоение этого участка. И все было бесполезно из-за того, что прямо над этими полями проходила глиссада взлетно-посадочной полосы ОКБ Центрального аэродинамического института им. Петлякова.

Все, кто зарился на эти в буквальном смысле «золотые» гектары, обламывали зубы о секретное постановление Совета Министров, запрещающее строительство высотных домов под траекторией глиссады, а также на упрямую позицию прежнего мэра Виктора Ивановича Иванова и Совета депутатов.

Сколько раз Солодовников слышал на заседаниях Горсовета:

– Застраивать глиссаду высотными домами нельзя! Из-за этого будет перекрыт последний пусть и скудный источник заработков для авиационных специалистов, инженеров, конструкторов. А ведь скоро все должно измениться к лучшему. У института отличные перспективы вписаться в мировую систему авиастроения с новыми разработками корпорации «ЖАРР», а если не будет глиссады, то самолеты не смогут приземляться. Это означает окончательную гибель института и, в сущности, всего города!

И к чему привело это бесполезное упрямство? Где теперь Иванов? И где эти разработки? Одни только разговоры. Насколько он знал, институт уже практически не работал, не имел никаких заказов ни от государства, ни от иностранных корпораций. Единственным заказчиком у него была та самая корпорация «ЖАРР». Компания, конечно, солидная, управляемая академиком Руденко, но и она, по его сведениям, больше занималась реставрацией ретро-самолетов в одном-единственном ангаре, чем новыми разработками. Все остальные территории сдавались в аренду под склады и офисы. А все эти разговоры про «Жар-птицу» – новый суперсовременный самолет с фантастическими возможностями – так и остались разговорами...

Принял бы Виктор предложение строителей – и был бы сейчас жив, а так? Теперь за него приходится принимать это решение ему.

Артем Николаевич вздрогнул, отошел от окна, и сел за свой стол. Попытался отогнать от себя неприятные мысли. Мягкое кресло приятно закрипело, принимая на себя груз его

суховатого подтянутого тела, но он не почувствовал от этого удовольствия. Почему-то его стало потрясывать. Вспотели ладони.

– Артем Николаевич! – раздался электронный голос секретаря по внутренней связи. – К вам пришли!

Секретарь, Виктория Александровна, работала с Артемом Николаевичем еще со времен строительного треста, поэтому они понимали друг друга практически с полуслова. Именно поэтому она и не назвала имен посетителей.

– Просите!

Сразу, как только Артем Николаевич отжал кнопку селектора, открылась дверь «предбанника», и в его кабинет вошли двое мужчин. Артем Николаевич поднялся с кресла и пошел к ним навстречу с вытянутой рукой.

– Рад! Рад вас видеть, уважаемый Лев Игнатьевич!

Лев Игнатьевич Седов, генеральный директор строительного концерна «РМН», ответил на рукопожатие и представил своего спутника.

– Это Игорь Валентинович Сивко! Наш директор по безопасности.

Артем Николаевич оценивающе окинул взглядом кряжистую фигуру Игоря Валентиновича и смущенно отвел глаза в сторону. Что-то ему не понравилось во взгляде директора по безопасности. Но что? Об этом ему не было времени подумать.

Лев Игнатьевич вел себя в кабинете мэра города как в своем собственном. Он поставил кейс на стол для переговоров и сел на место председателя. Затем предложил всем сесть рядом.

Лев Игнатьевич достал из кейса бумаги и выложил их на стол.

– Ну, что ж, Артем Николаевич, давайте без церемоний. Время – деньги, как говорится. Посмотрите на эти документы.

Солодовников бегло пробежал глазами по листу. Постановление Главы города. Число, дата, текст.

... По многочисленным просьбам жителей города Петлякова, в связи со сложными жилищными условиями, сложившимися на рынке жилья в Подмоскowie, просим Вас разрешить застройку глissады Центрального аэродинамического института. Высоту строений определить не выше 3 этажей...

Дальше можно было не читать. Где три этажа, там и четыре, и пять, и десять. Главное – только начать.

Солодовников дочитал бумагу до конца и увидел внизу надпись «Мэр города Петлякова А.Н. Солодовников». На секунду остановился, рассматривая написанное на этой бумаге и, наконец, поднял голову.

– Вы же знаете, что даже если я подпишу это постановление, то Совет депутатов никогда не утвердит его.

– Не волнуйтесь, – ответил Сивко, – теперь это станет сделать легче.

Солодовников удивленно посмотрел на начальника безопасности.

– Что вы имеете в виду?

– Артем, давай каждый будет заниматься тем, чем он умеет заниматься, – прервал дальнейшие расспросы Лев Игнатьевич. – Игорь Валентинович – большой специалист в решении подобных вопросов. Если он говорит, значит, он знает, что говорит. Уверен, скоро ваши депутаты станут гораздо сговорчивее.

Артем Николаевич покачал головой. Впрочем, не доверять своим собеседникам у него пока не было основания. Полгода назад, когда они пришли к нему с предложением поддержать его на выборах, он тоже им не верил, так как не было никаких оснований сомневаться, что следующим мэром города будет Вадим Чертков, ближайший соратник Иванова, но... Мэром, тем не менее, стал именно Солодовников.

– И потом, – прервал его раздумья Лев Игнатьевич, – наши договоренности остаются в силе. Город в качестве жилого фонда получит десять процентов от всех застроенных площадей.

– Ну, это само собой!

Артем Николаевич согласно кивнул головой, собираясь сказать слова благодарности, но Седов не дал ему закончить.

– Естественно, – перебил он Солодовникова, – в качестве гаранта реализации проекта вы лично также получите 10 процентов от жилого фонда в твердой конвертируемой валюте.

В подтверждение этого Лев Игнатьевич достал из кейса листок бумаги, на котором была напечатана сумма «5000000 евро» и еще непонятный двадцатизначный набор цифр, и протянул ее Солодовникову. Тот отшатнулся, но Лев Игнатьевич его успокоил.

– Не волнуйтесь, сейчас это просто бумажка с циферками. И ничего более. Цифры же обозначают номер вашего счета в известном вам банке в независимой Швейцарии.

Как раз в этот момент затряслись окна в кабинете. Нарастающий звук был такой силы, что Льву Игнатьевичу пришлось даже усилить свой голос.

– Что это?

Все повернули голову к окну. На фоне восходящего солнца появился силуэт необычного самолета. Самолет провисел в воздухе несколько секунд, а затем будто растворился. Лишь по дребезжащим стеклам можно было догадаться о его присутствии, а затем звук стал удаляться, пока не исчез совсем.

– Что это было? – переспросил Лев Игнатьевич.

Вопрос был задан обоим собеседникам. Но Сивко не знал, что ответить. Солодовников же догадался и именно из-за этого потерял дар речи. Машина висела так близко от окна, что он успел рассмотреть рисунок на шлеме пилота. Две красные стрелы. Знак корпорации «ЖАРР». Из ступора его вывели слова Седова. Он махнул рукой.

– А, не важно. Вернемся к нашим баранам.

И силой вложил Солодовникову чек в руку.

– Думаю, мы договорились? – спросил он, заглядывая в глаза Солодовникову.

Солодовников посмотрел еще раз на окно, потом на цифру со многими нулями, на покачанные плечи Сивко, поймал его тяжелый взгляд и кивнул головой.

– Договорились.

18 ноября 2008 года. Город Петляков. Зал оперативных заседаний администрации. 10 часов утра.

На совещании руководителей силовых структур, которое местные журналисты окрестили совещанием «Правопорядок», все места были закреплены за каждым ведомством, и никаких отклонений от этого негласного, в общем-то, порядка не допускалось.

По правую руку от Солодовникова сидел заместитель мэра по безопасности, за ним – начальник службы ГО и ЧС, затем начальник налоговой инспекции, прокурор, судья. По левую руку стол возглавлял начальник ОВД, затем – пожарный, федерал, начальник спецмилиции, командир воинской части, и в конце стола восседал военный комиссар. На задворках зала вдоль окон сидели представители местных СМИ: газета, радио, городской интернет-портал. Напротив мэрского места всегда ставилась телевизионная камера местного кабельного телевидения.

Как правило, на это заседание приходили первые лица своих ведомств. Замена допускалась только в случае отпуска или в случае чрезвычайных ситуаций.

В этот день на своих местах отсутствовали двое: начальник спецмилиции – подразделения, которое занималось охраной спецобъектов города, – и начальник местного отделения ФСБ. Вместо них были присланы даже не первые замы, а рядовые сотрудники, которые не знали заведенного порядка и именно поэтому вызвали некоторое замешательство во время ритуала рассаживания.

– А где Михаил Григорьевич и Игорь Алексеевич? – поинтересовался Солодовников у новеньких.

Молоденький лейтенант в еще мешковатой серой форме и его товарищ в штатском, громыхнув стульями, вскочили и по-военному отрапортовались.

– Михаил Григорьевич на объекте.

– Игорь Алексеевич будет позже.

Их голоса слились в один, и поэтому не все поняли, что они сказали. Однако для Солодовникова и без этого сразу стало понятно, что случилось что-то из ряда вон выходящее. «Не дай бог, теракт! – промелькнуло у него в голове. – Этого еще не хватало!» Он откашлялся и, попросив офицеров сесть, предоставил слово начальнику милиции Колову Василию Федоровичу.

Василий Федорович был мужчиной довольно грузным. Ему потребовалось время, чтобы подняться. Еще какое-то время ушло на доставание платка из кармана кителя и вытирание пота.

И когда он, наконец, приготовился говорить, в зал заседания вошли начальник местного отделения ФСБ, полковник Михаил Григорьевич Огородник и начальник первого отделения милиции подполковник Игорь Алексеевич Французов. По их внешнему виду было видно, что они были весьма взволнованы. Не поздоровавшись, они с ходу попросили удалиться из зала всех представителей прессы.

Недовольные журналисты начали возмущаться, но окрик мэра: «Вы все узнаете в свое время!» заставил их замолчать.

Андрей Непогода, главный редактор интернет-портала «Петлякова. нет» вышел из зала одним из первых. Он не любил спорить с властью. Во-первых, бесполезно. А во-вторых, он считал, что информацию в современном мире все равно утаить невозможно. Невозможно в принципе. Она имеет свойство материализовываться, и проникать даже сквозь стены. В качестве доказательства своей правоты он совершенно случайно забыл под стулом, на котором сидел, свой портфель, а в портфеле – включенный диктофон.

Солодовников с нетерпением следил за перемещениями по залу вновь прибывших. Начальники силовых ведомств поменялись местами с подчиненными (те пересели на стулья, которые ранее занимала пресса), затем обменялись приветствиями со всеми присутствующими.

И наконец Михаил Григорьевич Огородник, полковник федеральной службы безопасности, произнес, обращаясь к Колову.

– Прошу прощения, Василий Федорович, что прервал вас, но я думаю, Игорь Алексеевич сейчас объяснит причину такого поведения, – затем он посмотрел на Солодовникова и добавил. – Не волнуйтесь: пока ничего страшного не случилось, но нам надо будет с вами обсудить кое-что у вас в кабинете.

Солодовников с облегчением выпустил воздух из легких: «Слава богу, хоть не теракт!», а вслух добавил:

– Да уж, объяснитесь!

Игорь Алексеевич Французов занимал полковничью должность, хотя и был в звания подполковника. Повышения в звании он ожидал в ближайшее время. Обещали к Дню милиции. Но происшествие, случившееся в это утро на аэродроме, территории, за которую он был ответственный, могло отодвинуть долгожданное звание на неопределенный срок. Именно поэтому он сильно нервничал, размышляя, как бы так покороче сообщить о случившемся.

– Сегодня ранним утром над взлетно-посадочной полосой института был замечен неизвестный самолет. В течение нескольких секунд он был виден на радарх нашей диспетчерской. Затем исчез. Станция слежения не могла обнаружить его в течение 20 минут. Система ПВО, среагировав на появление в зоне ответственности неизвестного самолета, подняла по тревоге

два перехватчика, но и они ничего не смогли увидеть в небе. Правда, там произошло два летных происшествия, но к нашему делу это уже отношения не имеет. Так вот, через двадцать минут самолет вновь появился на экранах радаров. Он шел на посадку. На наши запросы он не отвечал. Самое удивительное, что после приземления самолет снова исчез. Наши сотрудники отметили, что слышали звук авиационного двигателя, но высланный к месту рулежки наряд милиции не увидел на взлетной полосе никаких посторонних самолетов.

Где-то с полминуты в зале стояла гробовая тишина, после чего Солодовников выдавил, наконец, из себя фразу:

– И как это понимать?

– Разбираемся, Артем Николаевич, – ответил начальник спецмилиции. – Видимо, придется обратиться к нашим коллегам за помощью для прочесывания территории аэродрома. Самолет не иголка. Найдем. Пока же для безопасности мы выгнали на взлетку грузовик, чтобы перекрыть самолету путь в небо. Все службы переведены на усиленный режим. Ожидаем прибытия специалистов из следственного отдела ФСБ для выяснения обстоятельств дела...

– Постойте, постойте, а что означает «был замечен над нашим аэродромом, а потом снова приземлился»?

Кто разрешил? Чей это самолет?

– Вот это, пожалуй, самое непонятное, – вставил Михаил Григорьевич. – Так доложили нам наша диспетчерская служба и дежурный по аэродрому. Но мы тут посоветовались и пришли к выводу, что, скорее всего, самолет прилетел откуда-то с юга, совершил посадку на аэродроме, а затем вновь улетел. Правда, куда-то недалеко. Возможно, сел или на ближайшем аэродроме «Мячиково», или на гражданском аэродроме «Рыболово». В общем, дело не ясное и, одним словом, это ЧП.

Он немного помолчал, а потом добавил:

– Но это еще полбеды.

– А что еще? – недовольно спросил Солодовников.

– Сегодня ночью умер Чертков.

– То есть, как это умер? Где? Когда? – переспросил Солодовников. Он почувствовал, как у него онемели кончики пальцев рук, а к горлу подкатил твердый комок, который перекрыл дыхание. Закололо сердце. Теперь ему стали понятны слова Седова о том, что теперь Совет Депутатов в городе будет более сговорчивым.

– В сауне при кафе «Малышок», – пояснил Огородник, – похоже, угорел во время пожара.

Андрей Непогода выключил диктофон и молча уставился в экран компьютера. Обе новости, которые он сейчас услышал, тянули на звание сенсации, но вот с какой следовало начать?

Он не был лично знаком с Чертковым, но то, что он о нем знал, заставляло крепко подумать, прежде чем писать о нем некролог.

Криминальный авторитет по кличке Черт был смотрящим за городом Петляковым. Он был поставлен вором в законе по кличке Патрон, паханом всего Крайновского района. Несмотря на сугубо криминальное прошлое, Черт был человеком интеллигентным, любил общаться с известными учеными и авиаконструкторами. Черт считал, что обкладывать данью надо только зарвавшихся коммерсантов, а также бизнес, основанный на человеческих пороках, а людям труда, тем более людям интеллектуального труда, нужно оказывать всяческую поддержку и внимание.

В свое время именно он немало содействовал выборам в мэры города Виктора Ивановича Иванова. Его официальными должностями были член правления общественной органи-

зации «Клуб боевого самбо» и член попечительского совета Петляковского музея авиации и воздухоплавания.

Авторитет Черта был непререкаем. Однажды сказав, что в городе нет места наркотикам, он не пустил в город ни одного серьезного наркодилера. Вышестоящая организация в лице Патрона позволяла ему эту маленькую блажь, справедливо полагая, что торговать серьезной наркотой можно и за границами города, благо границы эти были весьма условными, да и сам город на машине любой лихач мог пролететь за десять минут даже с остановками на светофорах.

Исключение делалось лишь для небольших партий «травы», которую продавали в городе только под неусыпным личным контролем Черта, причем местом для купли-продажи оптовых партий «травы» была именно та самая сауна при кафе «Малышок».

А учитывая то что кафе-бар «Малышок» в городском парке культуры и отдыха принадлежал через жену и брата Дмитрию Витальевичу Виноградову, начальнику налоговой инспекции, то не было никаких сомнений, что это дело будет сейчас всяческим образом заминать.

Входить раньше времени в конфликт с налоговой инспекцией у Непогоды желания не было, поэтому он склонился к клавиатуре и принялся быстро набивать сообщение. На экране компьютера один за другим выскакивали черные буквы, которые быстро складывались в слова следующего содержания:

«В НЕБЕ НАД МОСКВОЙ ПОЯВИЛСЯ САМОЛЕТ-НЕВИДИМКА. Сегодня утром в небе над суперсекретным подмосковным аэродромом в городе Петляков появился самолет, который смог безнаказанно преодолеть систему ПВО столицы, приземлиться на аэродром, и, снова взлетев с него, скрыться в неизвестном направлении. Что это? Несостоятельность российских сил противовоздушной обороны или новейший иностранный самолет-разведчик? На аэродроме развернута войсковая операция силами местной части внутренних войск по прочесыванию территории с целью обнаружить причину, по которой самолет совершил этот короткий заход на посадку. Не исключена возможность подготовки к теракту, ожидается прибытие следственной группы ФСБ для расследования происшествия. Информация уточняется. Следите за нашими материалами».

Скопировать сообщение, чтобы вставить его в новостную ленту на своем портале, было делом одной минуты. Сообщение на сайте «Петлякова. нет» появилось приблизительно через тридцать минут после окончания совещания «Правопорядок». Через тридцать пять минут его прочитал редактор новостной ленты сайта «Регион. ру», скопировал и вставил в новостной ряд своего информационного издания; через 45 минут материал прочитал редактор информационного агентства «ИТАР-ТАСС». Он не стал доверять сообщению, что называется, «на слово», и, порывшись в своей записной книжке, нашел телефон пресс-службы администрации города Петлякова.

– Алло, здравствуйте, вас из «ИТАР-ТАСС» беспокоят. Сегодня на вашем сайте «Петлякова. нет» появилось сообщение о неизвестном самолете. Вы можете как-то прокомментировать данное сообщение?

– Без комментариев.

– Нет. Вы скажите. Был самолет или нет?

– Был, наверное.

– Спасибо.

Немного подумав, корреспондент информационного агентства добавил к сообщению фразу: «В администрации города комментировать ситуацию отказались» и вставил его, как есть, в обеденную ленту новостей, подготовленную к рассылке клиентам агентства.

Тот же день. 6 часов 45 минут утра. Испытательный аэродром ОКБ им. Петлякова рядом с городом Петляков

Марии Руденко было 11 лет, когда отец, Анатолий Евгеньевич Руденко, первый раз взял ее в институт. Не покидала она отца и во время поездок на Кавказ, где он со своими студентами учился ловить ветер крыльями дельтапланов. Наверное, именно в это время она почувствовала неистребимое желание научиться летать, как птица. Но в летное училище девушек брали тогда весьма неохотно. Для мужчин-то работы не хватало. Поэтому ей пришлось довольствоваться аэроклубом. В течение 5 лет она освоила все типы самолетов, которые использовались в РОСТО и, в конечном итоге, вошла в качестве пилота в состав пилотажной эскадрильи «Русские гусары».

Параллельно учебе в аэроклубе она окончила Академию управления и стала работать экономистом в корпорации «ЖАРР», которую основал ее отец и его ближайшие ученики для завершения проекта «Жар-птица». В 1999 году фирма «ЖАРР» оплатила ее обучение в ШЛИ, Школе летчиков-испытателей летно-исследовательского института им. М.М. Громова в Жуковском, поэтому, когда пришла пора переходить к летным испытаниям первого опытного образца «Жар-птицы», вопрос, кто будет шеф-пилотом этого проекта, даже не обсуждался. Естественно, кандидатура Марии Руденко ни у кого из членов конструкторского бюро не вызвала сомнения. Во-первых, Мария действительно была классным и подготовленным пилотом; во-вторых, она участвовала в разработке аппарата с первых шагов, отлично понимала все уникальные возможности самолета; в третьих, назначив Марию Руденко летчиком-испытателем, решался вопрос с преждевременной утечкой информации. Была и четвертая причина...

В семь часов утра Мария вышла из ангара и, поднявшись по ступенькам трапа, заняла место пилота. Андрей Антонов помог ей пристегнуться к катапультному креслу и захлопнул фонарь кабины. Евгений Журавлев и Ринат Регулаев откатали лестницу от фюзеляжа, встали рядом. Мария надела на голову шлем. Он был вполне стандартных размеров и обычной формы, но сделан из прозрачного материала. Сразу, как только она надела шлем, по его поверхности побежали огоньки. Сначала желтый, потом зеленый, и, наконец, – красный.

Мария уселась в кресло пилота. Руки она положила не на штурвал – штурвала как такового у самолета не было – а на два удобных подлокотника, в основании которых были вмонтированы две ручки, напоминающие джойстики от компьютера. Закрыла глаза. Именно в этот момент в шлеме загорелся желтый свет. В ее голове появился образ отца, сидящего за специальным портативным пультом управления полетом в собственной квартире на четырнадцатом этаже в одном из панельных домов жилого микрорайона города Петлякова. На его голове был надет точно такой же шлем.

Как только она увидела отца, по его шлему также побежали желтые огоньки.

– Есть контакт!

Слова отца промчались в мозгу Марии, будто строчки телеграфного сообщения.

– Я тоже тебя вижу и слышу, папа.

– Войти в контакт с самолетом!

Мария взялась за рычаги. По шлему пробежали зеленые огоньки. Самолет ответил ей зеленым светом оживших приборов.

– Контакт установлен. Идет проверка всех систем!

– Осмотрись!

По шлему пилота побежали красные огни. Началось сканирование пространства. Через несколько секунд в шлем пульта управления полетом пришло сообщение: «Внешние раздражители отсутствуют, радары аэродрома меня не видят, эфир от радиосигналов чист, инфракрасное излучение отсутствует. Все спокойно, папа, можно взлетать!»

– Давай потихоньку, дочка! Сегодня не будем громить американский флот! Пусть живут!

Мария послала мысленный сигнал двигательной системе, и самолет ожил. Сначала он заурчал, как кошка. Потом звук стал похож на шум прибоя. Именно в этот момент он сдвинулся с места и побежал по взлетно-посадочной полосе. Прибой превратился в ураган. В считанные секунды самолет оторвался от бетонной полосы, начал стремительно набирать высоту.

Вслед за ней по мыслительным каналам, которые были недоступны никаким системам наблюдения и радиоперехвата, побежали команды с пульта управления.

– Сегодня у тебя самое простое задание, Мария. Высота полета не более двух километров, скорость не более двух махов. Тебе надо проверить систему пассивной защиты и аэродинамику. Сразу, как только «Жар-птица» оторвется от земли, включи защитный экран. Тебя никто не должен видеть. Слышишь, никто! Даже визуально. Поймай глазами ближайшее облако и спроецируй его в компьютер самолета. Пусть он будет сегодня облаком.

– А можно я буду птицей? Голубем. Мне кажется, это получится.

– Не надо экспериментов. Если у тебя и получится голубь, то это будет очень большой голубь. Я сказал облако!

Именно эти несколько секунд, которые ушли на препирательство, и стали причиной того, что на экранах системы ПВО области, а также в диспетчерской аэродрома, появился самолет. На экране это было похоже на короткую вспышку, на точку, которую могли бы и не заметить, но звук взлетающего самолета привлек внимание сонного диспетчера на аэродроме, а система ПВО столицы после посадки Руста и в связи с терактами 11 сентября работать научилась. Небо мгновенно ощупали невидимые щупальцы радаров, которые выстрелили вверх двумя перехватчиками Миг-31.

Мария просканировала пространство и заложила информацию в бортовой компьютер самолета. Хотя трудно сказать, кто это сделал быстрее – Мария или сам самолет. Работа на нейронном уровне, на уровне молекул двух мыслительных организмов, не поддается обычным понятиям. Ответ, который позволил принять решение, пришел ниоткуда. Опасность минимальная. Радары проходят сквозь защитную систему «Жар-птицы» без искажений и с такой минимальной задержкой сигнала, что глаз пилота не может того заметить. Визуальная система пилотов перехватчиков также не способна отличить небесный камуфляжный пейзаж от реального неба.

Мария мысленно увеличила скорость до двух скоростей звука и послушная машина тут же воплотила ее мечту в реальность. Когда ее взгляд перестал различать очертания на земле, она быстро перенесла фокус своего взгляда и стала наблюдать за своим полетом со стороны.

– Маша, не увлекайся! – почувствовала она внутри себя голос отца. – Пора возвращаться!

– Сейчас, отец!

Прозрачный плекс шлема светился ровным оранжевым цветом. Мария и самолет стали одним целым. Именно в этот момент ее взгляд выхватил на земле очертание церкви. Это был храм иконы Владимирской божьей матери в Рыболово. Сколько раз, посещая его вместе со своей бабушкой, Мария обращала внимание на необычные купола этого здания, построенные великим архитектором, членом масонской ложи Москвы Василием Баженовым. Кресты на тонких шпилях были словно самолеты, устремленные ввысь. Казалось, нужно совсем немного, чтобы они сорвались со своих шпилей. Совсем немного! Не раз она обращала на это внимание своей бабушки, но та только открещивалась и говорила: «Не болтай ерунды!».

Кто принял решение совершить это, было не понятно. Анатолий Евгеньевич, следящим за полетом видел, что они отклонились от маршрута, что сбросили скорость. Послал сигнал с вопросом: «Что случилось?».

Мария и самолет в этот момент были как одно целое и ответили, что все нормально. Проверка режима.

Сбросив скорость практически до нуля, «Жар-птица» подлетела к храму и зависла над его куполом. Настоятель храма, отец Алексей, который только что подъехал к воротам на своем

потрепанном «жигуленке», возился с замком, открывая ворота. На пяточке перед церковью стояла семейная пара – по-видимому, туристы. Ранние пташки. Ожидая, когда откроется церковь, мужчина снимал на видеокамеру свою подругу на фоне церкви в лучах утреннего восходящего солнца.

Услышав звук самолета, он перевел камеру в небо, надеясь запечатлеть полет истребителя. Он их и увидел. Два «МиГа» один за другим прошли на сверхмалой высоте и скрылись в стороне. Беспристрастный видеоглаз поймал лишь облако, которое появилось ниоткуда и нависло над церковью. То, что произошло в следующее мгновение, в прессе называли поразному. Но большинство православных средств массовой информации упорно называли это чудом и трактовали не иначе как явление Богородицы. В общем-то, они были не далеки от истины.

Мария сняла защитное поле. Облако исчезло, а на его месте проявился самолет с широкими крыльями, по которым переливалась радуга цветов. Камера в руках мужчины дрожала, поэтому запись, которую позднее неоднократно показывали по телевидению, была весьма нечеткая. Именно это позволило многим представителям церкви утверждать, что это был не самолет, а большой православный крест.

Самолет был устремлен носом в небо, а над ним, чуть в стороне, мужчина явно различил женское лицо. Камера смогла зафиксировать и этот факт. Мужчина, инстинктивно отступая назад, споткнулся и выронил камеру. Позже он и его супруга утверждали, что женское лицо улыбалось и даже подмигнуло им. Но камера этого не зафиксировала, поэтому отец Алексей настаивал на том, что Богородица строго смотрело на стоящих внизу, на земле, и даже грозила им пальцем.

Мария увидела, что МиГи возвращаются. Она послала машине сигнал: «Вперед!» и одновременно вновь включила защитное поле. Рокот мощных турбин, будто грохот небесной колесницы, заставил затрястись стекла в церкви и близлежащих домах, затем ушел ввысь и стих.

Мария поймала взглядом точку на небе, и, скорректировав машину, приказала ей самостоятельно рассчитать траекторию полета до нее. Она полетела к звездам, туда, где была чернота, и не сразу поняла, что ее преследует МиГ. Конечно, догнать ее у него не было никаких шансов, и она позволила себе немного поиграть с ним в «кошки-мышки». Все время в ее мозгу пульсировали ноты возмущения отца. Она явственно понимала, что вслух он ничего не произносит, но сейчас они общались на уровне сознания, поэтому для нее не прошли незаметными фразы: «Вот только приземлился, чертовка, выпорю. И не посмотрю, что тебе уже 31 год!»

Марии стало смешно, и в этот момент она на долю секунды снова потеряла контроль над машиной. Смех имеет такое свойство – расслаблять. Именно в этот момент пилот Иволгин и увидел перед собой самолет и девушку за штурвалом, но у него силы были уже на исходе, поэтому он был вынужден прекратить преследование.

Мария вернулась в воздушное пространство только через 12 минут. Все это время она не выходила на связь с отцом.

Крылатая машина мягко коснулась земли и побежала по бетонной дороге к ангару. Краем глаза Мария уловила за спиной какое-то движение. Зеленый милицейский «уазик» несся вдоль взлетной полосы с включенной сиреной и мигалкой. Самолет он, конечно, не мог увидеть, но звук реактивного двигателя ему был слышен. Вот он и летел на звук, как мотылек на свет.

Мария мысленно послала сигнал машине на выключение двигателя. Она не могла этого услышать, но поняла, что за бортом мгновенно наступила тишина. Милицейский «уазик», будто собачка, потерявшая след, заметался по огромному аэродромному полю. Наконец, машина остановилась, из нее вылез молодой милиционер и, взглядываясь в небо, показал сво-

ему напарнику что-то на линии горизонта. Что там они увидели, Мария не знала, да ей, собственно, было все равно.

«Гейм Овер!» – пронеслось в ее голове, и информация тут же отразилось в шлеме пульта управления полетом. Одновременно с этой фразой, Анатолий Евгеньевич срисовал обстановку на аэродроме. Он тоже увидел милиционера, стоящего на обочине полосы и в недоумении разводящего руками.

«Гейм Овер!»

Конец игры. Анатолий Евгеньевич снял с себя шлем и с облегчением откинулся на спинку обычного офисного стула.

Несмотря на то, что на часах было всего 8 часов утра, он почувствовал себя необыкновенно уставшим. Завершился еще один полет «Жар-птицы», и снова все, что запланировано, выполнено. Практически никаких сбоев в системах. Фантастика! Как будто это не железная машина, а действительно живое существо.

Еще немного и можно реально думать об авиасалонах. Руденко не был лишен тщеславия и представил выражения лиц всех этих чиновников из Авиапрома и Министерства обороны, которые только и делали, что вставляли его проекту палки в колеса.

«...Эх, жаль, Виктор не дожил до этого дня! Ведь только благодаря его, чего греха таить, прямому лоббированию интересов фирмы на начальном этапе становления корпорации «ЖАРР» и удался этот, другого слова не подберешь, эксперимент. И что еще немаловажно, все это создано частным образом. За вполне небольшие, по современным меркам, средства. Почти без привлечения инвестиций. Почти... Небольшой группой авиаконструкторов. Какие перспективы! Какие возможности! Надо порадовать Вадима. А заодно и на могилу к Виктору съездить. Давно уже не были».

Анатолий Евгеньевич набрал мобильный номер телефона своего друга Вадима Черткова, но вместо привычных гудков он услышал, что абонент находится вне зоны действия сети.

Михаил Григорьевич Огородник, начальник петляковского отдела ФСБ

После совещания «Правопорядок» мэр города всегда встречался со всеми начальниками силовых структур в своем кабинете отдельно. Что называется «с глазу на глаз». Как правило, на таких встречах решались вопросы бытового порядка: квартиры для сотрудников, коммунальные платежи, устройство детей сотрудников в детские сады, школы, лагеря. Вопросы архиважные для любого нормального начальника, именно поэтому никто не расходился из мэрии до тех пор, пока не получал возможности перекинуться парой слов с главой города.

Однако в этот день Солодовников попросил всех не сидеть в приемной, а, записавшись у секретаря, ждать вызова по месту своей работы.

– Господа офицеры, обещаю вам со всеми сегодня встретиться и порешать все ваши вопросы, – сказал Солодовников, заканчивая совещание. – А сейчас прошу меня извинить. Мне надо поговорить тет-а-тет с Михал Григоричем!

Солодовников посмотрел на начальника ФСБ и кивнул головой, давая понять, что он готов сейчас же подняться с ним наверх в свой кабинет.

Огороднику оставалось до выхода на пенсию всего каких-то пять лет. И он рассчитывал досидеть на своей должности до этого срока, не привлекая внимания и, по возможности, без каких-то серьезных эксцессов, по причине того, что был сильно завязан в коммерческих делах аэродрома, где под его прикрытием была организована доставка и растаможивание японских

машин. На это дело ушли последние десять лет его жизни, и он очень рассчитывал, что, выйдя на пенсию, наконец войдет в состав учредителей фирмы, генеральным директором которой является его сын, и займет скромный пост вице-президента с солидным месячным окладом.

Не важно что, не важно как, но даже ему было понятно, что теперь всем его честолюбивым планам может прийти конец. И к бабке не ходи, получалось, что от него по любому потребуют укрепления режима секретности объекта, вплоть до запрещения деятельности посторонних организаций на территории аэродрома. А это что же получается: самому поставить крест на том, что он так старательно создавал все эти года?

Именно поэтому он и торопился как можно быстрее переговорить с Солодовниковым, который тоже имел долю в этом бизнесе. Также он знал, что сейчас за Солодовниковым стоят могущественные силы, которые не заинтересованы в укреплении секретности на аэродроме.

Сразу, как только Огороднику сообщили о несанкционированном взлете с аэродрома ЦАДИ, он проехал в первое отделение милиции, или как ее еще называли «спецмилиции», к Французову и проверил списки тех, кто ночью находился на территории объекта. Получалось, что территория аэродрома было абсолютно безлюдна, за исключением одного старого заброшенного склада. Согласно документам этот склад был арендован подразделением, которое входило в структуру многопрофильной фирмы под названием – «Корпорация “ЖАРР”».

Не было ничего удивительного, что многие работники этой фирмы имели специальные пропуска, которые позволяли им уходить и приходить на аэродром в любое время суток. Удивительно было то, что в то утро на аэродроме были все имеющие такие пропуска. А это без малого сорок человек.

Первыми в списке стояло четыре фамилии – Антонов, Журавлев, Регулаев и Руденко. Огороднику не надо было объяснять, что это за люди. Он их называл яйцеголовые коммерсанты. В городе только ленивый не знал, что эта четверка лет десять назад активно занималась разработкой самолета с какими-то запредельными возможностями. Про них неоднократно писали и газеты, и по телевизору показывали. Называли «авиаконструкторами будущего», «гениями научного капитализма». В общем, шумихи вокруг них было много.

Лично сам Огородник вообще считал, что все идеи Руденко – фикция, призванная привлечь к себе как можно больше внимания и выкачать из государства под благовидным предлогом как можно больше денег. А благовидный предлог в данном случае был «фундаментальная наука». В начале перестройки псевдонаучных идей было хоть пруд пруди. Чего только не предлагали профинансировать. Был случай, даже на вечный двигатель деньги выделяли. Насколько он знал, какое-то время Руденко крутился возле Руцкого, во времена его работы в аппарате правительства, пытался заинтересовать своими разработками Министерство обороны, и вроде бы даже у него что-то сначала получилось, а затем, как это обычно бывает, все затихло. Ребята толкали свою идею до тех пор, пока не срубили достаточно денег, а потом мягко отошли в сторону и занялись канцеляркой. Торгаши!

Он знал, что денежного оборота в несколько миллионов долларов они смогли достичь уже в первый год своей деятельности. Сегодня же он превышал несколько сотен миллионов долларов в год. Еще будучи майором, он попытался выяснить, откуда у ребят был взят первоначальный капитал. И его очень вежливо, но настойчиво попросили поубавить свой интерес. Просил Иванов, тогдашний мэр города, но еще как минимум два звонка – один из области, а другой из Кремля, подтвердили серьезность его слов. Как и следовало ожидать, над корпорацией «ЖАРР» был раскрыт весьма солидный защитный зонтик. Причем на всех уровнях.

По линии криминалитета их всегда прикрывал Чертков...

– Не знаю, Миша, будет ли эта информация для тебя полезной, но сегодня утром из моего окна я видел какой-то самолет на очень близком расстоянии. Что за модель, не могу сказать. Не специалист. А вот пилота, вернее его шлем, я, пожалуй, смог разглядеть. На нем были нарисованы такие ярко-красные стрелки. Как логотип одной известной в городе фирмы. И мне показалось, что они светились. Точнее не могу сказать. Это длилось всего одну секунду. Может быть, даже меньше! Кстати, а что все же думает ФСБ по поводу происхождения этого самолета?

Голос Солодовникова вернул Огородника с небес на землю. Они уже успели пройти в небольшую комнату отдыха в задней части мэрского кабинета и усесться в удобные мягкие кресла напротив журнального столика, на который секретарь Солодовникова заботливо поставила открытую бутылку коньяка «Тирас» и блюдечко с аккуратно порезанными дольками лимона. Дольки лимона были обильно засыпаны сахаром. Такими их очень любил Солодовников.

– Светились, говоришь? Стрелки?

Огороднику не хотелось отвечать на этот вопрос. Он взял бутылку коньяка и налил себе и Солодовникову по двадцать пять граммов.

– Что-то с утра сегодня день какой-то нервный. Давай для начала выпьем!

Они выпили, закусили.

– Нехорошего это происхождения самолет, Артем Николаевич. Ох, нехорошего.

Коньячок мягко лег на дно желудка. Огородник достал сигарету, закурил. Выпустил дым.

– Понимаешь, Николаич, какая штука получается.

Он достал из внутреннего кармана пиджака компьютерный диск.

– После смерти Иванова в его сейфе был обнаружен вот этот диск.

Огородник показал Солодовникову, что на его боку была надпись «Виктору от Анатолия на память». Огородник вставил диск в проигрыватель и включил телевизор.

– Посмотри, что там?

На экране телевизора появилась грозная воительница, разрубающая на две части американский военный корабль. Огородник с удовольствием отметил, как вытянулось лицо Солодовникова. Зрелище на экране было действительно неординарное.

– Вот, мы сначала думали, что это какой-то компьютерный эффект или фильм, и не обратили внимания. По данным нашей разведки никакой информации о гибели корабля не проходило. Но вот сегодня наши пилоты во время контакта с этим неизвестным самолетом тоже говорили о том, что видели женщину в небе, и она оказывала на них психологическое воздействие. И получается, что они вроде и нашим и вашим – по шеям надавали!

Огородник поделился с Солодовниковым своими соображениями по поводу создания некой террористической организации под эгидой «ЖАРПа», и мэр города неожиданно поддержал эту идею.

– Слышал, что с финансированием этой корпорации не все чисто. Говорили, деньги им давали какие-то турки или татары, а может быть и арабы. Как минимум, когда они строили тот большой супермаркет возле кольцевой дороги, точно финансировали турки. Ты проверь эту тему. Всякое может быть. Нашему городу сейчас неприятности не нужны.

Огородник вспомнил, что его неоднократно удивлял тот факт, что различные подразделения фирмы – как правило, склады и бухгалтерские офисы, под тем или иным благовидным предлогом арендовали помещения в непосредственной близости от научных лабораторий и объектов практически во всех авиационных институтах города, которые хоть уже давно не действовали, но, тем не менее, сохраняли за собой статус секретного объекта. И какой из этого следует вывод?

Его даже пот прошиб от картины, которая вдруг нарисовалась перед ним. А почему бы нет? Разветвленная разведывательно-диверсионная сеть под боком у столицы. Десять минут лету до Кремля. И сразу становится понятным, почему им понадобился этот дурацкий и несанкционированный полет со стратегического аэродрома. Проверка дееспособности системы ПВО столицы, не иначе.

Огородника снова бросило в жар. Не может быть! Он еще раз попытался убедить себя, что это просто глупая выходка. Что, скорее всего, «жарровцы» решили покатасть кого-то из своих партнеров по бизнесу на стареньком истребителе, типа чешской «элки», в обход всех. На территории аэродрома в ангаре стояло много летающего хлама. Это вполне возможно. Договорились со всеми по-тихому, и не подумав о последствиях, взлетели.

Но вся его сущность, весь его опыт подсказывали, что для катания партнеров по бизнесу было бы выбрано другое время. Да и получив официальное разрешение на взлет, они бы никогда не смогли убедиться, что система ПВО в этом районе полное дерьмо.

Огородник аж скривился от такой мысли. И как он мог допустить такое? И самое главное, как все не вовремя.

Как ему было известно по его каналам, в этот же вечер в город пришла очередная партия «канабиса» из Чуйской долины. Поставщики – узбеки, зная порядки в городе и окрестностях, привезли ее прямо в кафе «Малышок». Прошли не через заднюю дверь, а через банкетный зал. Почему они это сделали вопреки всем инструкциям, еще предстояло выяснить. Скорее всего, никто не ожидал никаких неприятностей: уж слишком часто проходила эта процедура. Тем не менее, именно это и стало причиной конфликта.

В банкетном зале кафе было не многолюдно. Лишь в дальнем углу зала, сдвинув столики, гулял Саша Пыльный и с ним несколько человек. Он был не местным; как говорили, «бывший летчик» появился в городе накануне смерти Виктора Иванова. Жил в отеле «ФОН МЕКК», самом дорогом отеле города, снимал номер «люкс». Сорил направо и налево деньгами, но чем занимался, было не понятно. Говорили, что он работает исключительно в Москве и использует Петляков как базу для отдыха. Собственно поэтому на него никто внимания не обращал.

Увидев узбеков, Пыльный увязался за ними в подсобку. Черт вышел к нему навстречу, повел себя вполне корректно. Пригласил его с собой, усадил рядом, угостил чаем, завел беседу. О чем они говорили, непонятно, но Пыльный был весьма возбужден, видимо под солидным кайфом. От чая отказался. Потребовал наркоты. Ему указали на дверь. Пыльный достал из кармана пистолет и без разговоров всадил пулю в грудь Черту. Узбеки молча протянули Пыльному сумку со «шмальной» и ушли.

Чтобы скрыть следы преступления, Пыльный не нашел ничего умнее, как поджечь сауну. Наверное, так было действительно лучше. По крайней мере, на сегодняшний день официальная версия случившегося – «пожар по неосторожности, приведший к смерти». И сегодня надо сделать все, чтобы именно такая версия у следствия и осталась единственной. Уснул мол, Чертушка в баньке-то, и не проснулся. Конечно, по шапке за такое не поглядят, но все же лучше, чем преднамеренное убийство.

Но как ни крути, смерть криминального авторитета в каком-то плане, это даже посерьезнее будет, чем убийство мэра. Кстати, а не могло это быть все взаимосвязано? Сначала убийство мэра, теперь вот убийство криминального авторитета и террористическая сеть под носом у Москвы... Ведь они были вроде друзьями.

Здесь было над чем призадуматься, и от чего впасть в уныние.

Глава 3. Ангар корпорации ЖАРР на территории летно-исследовательского института ЦАДИ. 12 часов дня. Тот же день

... Милицейский уазик, покрутившись по взлетно-посадочной полосе, развернулся и под вой сирены покатился в сторону диспетчерской. Как только он отъехал на достаточное расстояние, на бетонной дорожке будто из тумана проявился силуэт остроносого самолета. Это было очень необычное зрелище. Еще секунду назад на этом месте ничего не было, а тут вдруг бац – целый самолет.

Ринат Регулаев позволил себе немного полюбоваться на него, а затем достал из-за пояса комбинезона два красных флажка и принялся жестами указывать самолету дорогу к стоянке перед ангаром. Как только Регулаев приступил к регулировке, из дверей ангара, который, пожалуй, больше напоминал бетонный бункер, вышло еще с десятков человек, которые принялись раскрывать тяжелые бронированные ворота.

Раньше в ангаре стояли старенькие планеры времен Великой Отечественной. На них учил летать диверсантов прославленный ас Сергей Анохин. Одно время именно в этом ангаре хранился летательный аппарат, который разрабатывался по проекту «Крылья танка». Была такая идея у советского командования: приделав к боевой «тридцать четверке» крылья, при помощи бомбардировщика поднимать машину в небо, откуда танк, планируя, перелетает линию фронта, приземляется в расположении противника. Наносит ему максимальный урон в силе и технике и уходит от преследования, соединяется с партизанами.

Проект оказался неудачным. «Летающий танк» смог взлететь только один раз. Слишком большая нагрузка оказалась для бомбардировщика. Проект заморозили до создания более мощных двигателей, а месторасположение данного объекта засекретили. Потом проект стал неактуален, и про него забыли.

Анатолий Евгеньевич Руденко знал о проекте «Крылья танка» от своего учителя Андрея Николаевича Петлякова. Во время войны именно он курировал эти разработки. Когда группе Руденко понадобилось неприметное, но оборудованное строение для стоянки своего самолета, Руденко вспомнил об ангаре, нажал на все необходимые рычаги, где-то «подмазал», где-то договорился по-дружески, и ангар был неофициально передан под их крыло.

Самолет остановился на небольшом пятачке перед ангаром. Группа техников развернула его носом к взлетной полосе. Пока машину разворачивали, Евгений Журавлев успел на ходу забраться на крыло и помахать рукой сидящему в кабине пилоту. Поскольку стекло фонаря было полностью тонировано, он не мог видеть, ответила ли ему Мария или нет. Затем он деловито разместился на крыле самолета и, достав из нагрудного кармана набор отверток, гаечных ключей и небольшой наладонный компьютер, принялся подсоединять его к датчикам левого двигателя.

Самолет вместе с сидящим на крыле человеком медленно вкатили в ангар. Внутри него сразу зажегся свет. Он становился ярче, по мере того как закрывались створки ворот. Как только ворота с сухим стуком закрылись, Антонов подкатил к кабине самолета трап и, подняв голову, принялся наблюдать, как медленно поднимается фонарь кабины. По правую руку от Андрея встал Ринат. На этот раз вместо флажков он держал в руке бутылку шампанского и три бокала. Андрей покосился на него и, хмыкнув, сделал шаг в сторону, давая понять, что не хочет стоять рядом с ним. Ринат скривил рот и шепотом сказал:

- Андрей, ну давай хоть сегодня не будем устраивать разборок.
- Давай не будем, – он взял из рук Рината один бокал и подставил его под шампанское.

Ринат налил ему полный бокал. Потом поставил на пол два оставшихся бокала, вылил в них из бутылки все содержимое. Затем, взяв бокалы за тонкие ножки, он поднял голову и, улыбаясь, посмотрел на Марию, которая, сняв свой необычный шлемофон, красивым движением шеи распустила длинные русые волосы по плечам и, встав в кабине, громко крикнула.

– Поздравляю всех с очередным удачным полетом нашей «Жар-птицы»! Ура-а!

Ринат подхватил ее крик. Бетонный бункер тут же наполнился шумом, смехом и аплодисментами.

Ринат, будто эквилибрист, взбежал по трапу и галантно подал Марии бокал шампанского. Когда она взяла его, он подал ей освободившуюся руку, и помог перешагнуть через бортик кабины.

– Ну как прошел полет? Комфортно?

Мария не смогла сдержать улыбки. Ринат, как и подобает дизайнеру, был просто помешан на комфортности, удобстве и дизайне.

– Нормально, – ответила она ему. Затем сделала глоток из бокала, обратилась ко всем.

– Ребята, пью за ваше здоровье. Вы все просто молодцы! И не забудьте: сегодня все отдыхают, а завтра в шесть часов вечера банкет.

– Помним, помним, – раздались голоса со всех сторон. – А чего ждать, давайте отметим это дело прямо сейчас!

Это была, конечно, шутка. Мария засмеялась и, поддерживая ее, ответила:

– С удовольствием, но мне надо еще привести себя в порядок и переодеться во что-нибудь приличное.

Андрей, не отрываясь, смотрел на Марию, которая в своем обтягивающем летном комбинезоне выглядела ничем не хуже, чем в вечернем платье. Мария сбежала по трапу и, держа под мышкой свой прозрачный шлем, подбежала к Антонову.

– Товарищ генеральный директор, полет самолета конструкции «ЖАРП» прошел успешно. Самочувствие отличное. Разрешите получить замечания. – Последнюю фразу она позаимствовала из своего любимого кинофильма «В бой идут одни старики!» Ей почему-то показалась она необычайно уместной. Но Андрей не оценил ее слов.

Он молча взял ее руку и проверил пульс, потом осмотрел два небольших шрама на запястьях.

– Ничего не мешало?

– Нет.

– Нам надо пройти ко мне в лабораторию и снять показания. Пошли.

Андрей повернулся к ней спиной и зашагал к винтовой лестнице, по которой можно было спуститься в бомбоубежище, переоборудованное под офисы и лаборатории.

– Андрюш, ну может, сегодня ты не будешь таким серьезным?

Антонов, не останавливаясь, повернул голову и ответил.

– Мария, нам некогда!

– Хорошо, бегу!

Мария вернула бокал шампанского Ринату, потом шепнула что-то ему на ухо. Он засмеялся в ответ и поцеловал ее в щеку. Она махнула ему рукой на прощание и побежала вслед за Андреем. Ринат же махнул рукой одному из техников. Тот подкатил к нему на тележке компьютер. Ринат включил его и приказал подсоединить проводами к кабине.

– Евгений, ты закончил снимать показания? – спросил он у сидящего на крыле Журавлева.

– Да, да! Уже все! Бегу, – он отключил свой наладонник и быстро скатился на землю, по лестнице, которую ему подставил кто-то из персонала. – Можешь начинать свои превращения.

То что произошло дальше, было действительно очень похоже на превращение. Ринат подал сигнал компьютеру и включил специальную программу. По экрану побежали изображения различных типов самолетов и их параметры.

Ринат не стал особо их выбирать, все же для камуфляжа в режиме ожидания мог подойти любой тип самолета из разряда «старого железа». Он остановился на чешском учебном самолете «Л-39». Нажал кнопку «передача данных», и умная машина сама подкорректировала свои параметры под заданные. Острый нос ушел внутрь, крылья чуть раздвинулись, на хвосте выросли два дополнительных крыла. Теперь даже если посторонний человек и зайдет в ангар, то все равно не увидит здесь ничего кроме ненужного хлама и одного старого самолета.

Через десять минут самолет от настоящей «элки» отличался лишь тонированными стеклами фонаря кабины. Ринат оставил их темными и непрозрачными на тот случай, если кто-то из посторонних вдруг захочет заглянуть внутрь. В таком режиме самолет мог простоять хоть сто лет, даже не надо подключать его к источнику питания и менять аккумуляторы.

«Но трех дней будет, наверное, достаточно, – подумал Ринат, – для того чтобы улеглась шумиха вокруг нашей “Жар-птицы”».

Войдя в лабораторию, которая располагалась на втором ярусе ангара, в двадцати метрах под землей, Антонов надел белый халат, тонкие, в золотой оправе очки, затем достал из кармана пачку сигарет «Давидовф», закурил и сразу стал похож на доктора.

В свои тридцать пять он по-прежнему выглядел молодо, подтянуто и внушительно. Лишь по залысинам на голове можно было понять, что он уже давно не тот юноша, который готов был лезть в драку по любому поводу, при каждом удобном случае, как бывало раньше. Время и большой груз ответственности научили его рассудительности и спокойствию.

Вошедшую вслед на нем женщину он попросил сесть в кресло и подождать. Сам же отошел в соседнюю комнату, где у него стояла аппаратура.

Мария опустила на мягкое сидение и, закинув на спинку одну ногу, принялась ждать.

– Как себя чувствуете, Мария Анатольевна? Датчики не беспокоят? – крикнул Антонов из дальней комнаты.

– Все отлично, Андрюша! Я же говорила, – Мария улыбнулась. Она уже наперед знала, что сейчас скажет ей Андрей. «А теперь настройтесь на какие-нибудь приятные воспоминания!»

– А теперь настройтесь на какие-нибудь приятные воспоминания, Мария Анатольевна, мне нужно отрегулировать один канал.

Мария улыбнулась. Для того чтобы она стала частью системы «самолет-человек», ей потребовалось вживлять в запястья два платиновых сверхчувствительных электрода. Они как антенны передавали малейшие нюансы настроения молодой женщины, ее переживания. И, что самое главное, мышечные сигналы, которые могли улавливать специальные датчики в подлокотниках кресла кабины, преобразуя в электрические импульсы. Именно на этом принципе и строилось управление самолетом.

За несколько лет она уже настолько привыкла к этим датчикам, что иногда даже забывала о них. Что, кстати сказать, постоянно приводило к некоторым неприятностям. Особенно при прохождении металлоискателя где-нибудь в аэропорту.

Никто не мог сказать, что могло случиться с организмом женщины после такой операции. Поэтому она находилась под неусыпным контролем Антонова и его лаборатории. Ежедневно специальной аппаратурой с нее снимали показатели всего организма, чтобы можно было отследить малейшие отклонения от нормы.

В компьютере Антонова хранились любые нюансы поведения организма и настроения молодой женщины. Беспристрастный компьютер мог точно определить, голодна женщина или сыта, пьяна или трезва, грустна или весела, чем занималась ночью и с каким настроением проснулась. Как чувствовала себя после дискотеки или посиделок с подругами. Сегодня Антонову надо было получить информацию о ее состоянии после очередного полета. Это было очень важно для дальнейшей отладки системы. Данная информация была бы эталоном, от которого затем отталкивались бы при формировании следующих полетных заданий. Именно поэтому Антонов и спешил с подключением аппаратуры и был недоволен тем, что после приземления произошла заминка, связанная с шампанским. Теперь приходилось ставить фильтр на эмоциональный канал, чтобы компьютер получил информацию только о послеполетном состоянии пилота.

– Мария Анатольевна, положите руки на подлокотники, пожалуйста! – крикнул Антонов. – И, если можно, не двигайтесь несколько секунд.

Мария выполнила команду Антонова.

– Спасибо!

На экране компьютера побежали разноцветные полоски: желтая – сердце, белая – печень, фиолетовая – легкие. Антонов включил кнопку записи. А сам переключился на эмоциональный канал. В левом углу экрана появились новые полоски. Радость, некоторая усталость после полета. Розовый цвет – цвет влюбленности. Антонов подкрутил ручку прибора. Розовый цвет разделился на спектр цветов.

– Мария Анатольевна! У вас новый возлюбленный?

– Почему вы так решили?

– Мария Анатольевна, ну вы же знаете, что с компьютером такие уловки не проходят. В вашем розовом цвете появились новые оттенки. Кто он? Как его зовут?

Мария улыбнулась.

– Не важно.

Антонов зафиксировал рядом с розовым цветом оттенки зеленого и голубого. Нажал кнопку «запись». Все, теперь в памяти компьютера появилась метка, как выглядит информационно-цветовое поле в том случае, если Мария не хочет что-то говорить. А также личная информация, некоторая эмоциональная реакция на приятного ей человека.

– Расскажите о полете.

Эти слова не означали то, что ей обязательно надо было произносить слова вслух. Мария просто откинулась на спинку кресла и попыталась еще раз прокрутить в голове все детали полета. Позже Антонов снимет показатели с компьютера самолета и сравнит их с этими. Разница восприятия полета «до» и «после» позволит создать корректирующую программу, которая поможет пилоту принимать решения в несколько раз быстрее, а также исправлять действия пилота более низкого класса или того человека, который обладает меньшими нейropsychическими способностями, чем Мария.

На вспомогательном канале по-прежнему бежали полоски эмоционального состояния пилота. Неожиданно Антонов увидел на этом поле какой-то сигнал, который сначала определил как помеху. Присмотревшись, он понял, что нитевидный сигнал имеет необычный желто-голубой цвет.

В это время датчик физического состояния женщины сканировал брюшную полость. Получалось, что излучение исходило именно оттуда. Странный сигнал! Антонов включил фильтры, но сигнал не пропал, а, наоборот, прибавил в цвете. Прибавил мощность фильтров, но добился только того, что сигнал развалился еще на несколько оттенков. Сомнений не было: он исходил из брюшной полости и принадлежал не женщине. А такое могло быть только в одном случае.

Андрей задумался. Имеет ли он право задать сейчас этот вопрос женщине, или, возможно, это сугубо ее личное дело, которое не имеет отношений к их проекту. Но задумался лишь на секунду. Любое отклонение в организме и психическом состоянии женщины имеет отношение к проекту. Поэтому он не только должен, но и обязан спросить.

– Мария Анатольевна, вы беременны?

На экране компьютера всколыхнулось целое море эмоций. От возмущения до смущения. А затем абсолютно ровным голосом она произнесла:

– Задержка недели две.

Антонов прикинул в уме. Ну да, примерно в это время в утробе матери у эмбриона начинает формироваться головной мозг, а значит, источник для импульсов.

– А отец знает?

– Чей отец? – Мария не поняла вопроса. – Мой или... его?

У нее не повернулся язык сказать «ребенка».

– Твой, конечно. Мне нет дела до мужчин, с которыми вы встречаетесь.

– Жаль, а ведь это мог быть и твой ребенок.

Антонов с силой сжал кулаки...

Андрей Антонов. Десять лет назад.

Еще десять лет назад, когда Андрей только задумал создать свою систему, он проводил в доме у Руденко довольно много времени. Естественно, Андрей не мог не обратить внимания на дочь академика, весьма шустрю студентку-первокурсницу, которая постоянно забегала к ним на кухню то за чаем, то хлеб отрезать. Вроде бы по делу, а на самом деле, чтобы стрельнуть глазами в рослого и красивого парня. Постепенно между ними родилось чувство, которое однажды летним вечером толкнуло их друг к другу. Толкнуло и закружило в диком, неистовом любовном танце.

Как-то вечером Мария заехала за Андреем к нему в лабораторию. Она тогда располагалась в одном из полуподвальных помещений факультета аэродинамики и летной техники Физико-технического института. Андрей долго не выходил, и Мария тогда сама спустилась к нему. Андрей возился над микросхемой, которая почему-то не хотела реагировать ни на какие сигналы. Он сидел с разогретым паяльником в руке и пытался понять, почему сигнал не проходит.

Мария подошла сзади и, закрыв ладонями ему глаза, стала ждать, когда он ее узнает. Андрей, вместо того чтобы включиться в игру, резко сорвал ее руки и раздраженно вскрикнул: «Маша, не мешай мне. Видишь, ничего не выходит!» Срывая руки с лица, Андрей так сильно схватил ее за пальцы, что Мария даже вскрикнула от боли. Именно в этот момент на экране компьютера пробежала первая цветная полоска. Оказалось, что энергетическое поле Марии было такой силы, что сенсорные датчики улавливали ее импульсы даже без платиновых антенн. Сигнал, правда, был очень слабый, но, тем не менее, он был вполне различим. Полоска была коричневого цвета и означала крайнее недовольство девушки, которое, правда, очень быстро сменилось любопытством. Это чувство у девушки проходило как цвет морской волны.

Андрей, не отрываясь, следил за изменениями на экране, а потом прикоснулся к Марии рукой, нежно погладил ее по колену. Рядом с морской волной появился бледно розовый цвет. Андрей увидел, как широко раздулись ноздри девушки. У нее изменилось дыхание. Андрей убрал руку. Розовый цвет на экране стал еле заметным. Почти белым.

– Невероятно, – пробормотал Антонов, – как это у тебя получается?

– Что именно?

Антонов снова положил ей руку на колено, а потом приблизился к девушке поближе и поцеловал ее в губы. Мария послушно ответила ему, но потом резко оттолкнула.

– Что ты делаешь? Я что для тебя, подопытный кролик?

– Нет, что ты, – ответил ей Андрей, продолжая гладить ее рукой и косясь на экран компьютера. – Как ты могла такое подумать?

Но Мария не могла не заметить некоторую холодность в движениях Андрея, поэтому, когда его рука потянулась к молнии на джинсах, она остановила ее и, выскользнув из-под него, приказала:

– Выключи свою железку! Я так не могу!

Андрей нехотя выполнил ее приказ.

Поздно вечером, проводив Марию до дома, он по обыкновению зашел к академику в гости. Мария ушла спать, а они вместе с Анатолием Евгеньевичем прошли на кухню и закрыли за собой дверь.

Каждый раз, когда Андрей приходил к Руденко, академик включал большой электрический самовар, доставал из кухонного шкафа розетку с клубничным вареньем и, приговаривая: «Что ж, молодой человек, чай не водка – много не выпьешь!» – выставлял на стол две гигантские чайные чашки.

Анатолий Евгеньевич очень любил пить чай из такой посуды. Он мог выпить за один присест до пяти больших кружек крепкого индийского чая. Приучал он к этому и Антонова.

Так было и на этот раз, но Андрей от чая отказался, а потом, долго подбирая слова, рассказал Руденко о том, что произошло в лаборатории. Он вздохнул и говорил о том, как отреагировал компьютер на появление Маши в лаборатории, какого цвета у нее гнев и любопытство. О сексе он благоразумно упустил, и из-за этого рассказ в конце получился скомканным.

Руденко внимательно его выслушал. А потом долго молчал, помешивая сахар маленькой ложечкой.

– Все, что ты говоришь, очень интересно с научной точки зрения, – сказал он, наконец. – И, возможно, это даст нам то, над чем мы с тобой так долго бились. Конечно, это только начало процесса, но я не сомневаюсь, что ты доведешь начатое до конца.

– Да, но в эксперименте тогда должна участвовать Маша!

Руденко сделал глоток из своей кружки, потом поставил ее на стол и достал сигарету. Прикурил.

– Вот здесь все сложнее. Ты уверен, что только Маша обладает такими способностями?

– Нет. Такими энергетическими показателями обладают многие люди. Статистика говорит, что приблизительно один человек на миллион. Но нам ведь надо еще найти такого человека и убедить ввязаться в проект. А Маша не только обладает такими возможностями, она ведь и отличный летчик.

Руденко понимающе кивнул головой, а потом задал вопрос, которого Андрей не ожидал:

– А как далеко зашли твои отношения с моей дочерью?

Андрей опустил глаза.

– Достаточно далеко.

– Это плохо, – Руденко выпустил сизый клубок дыма из носа и замахал перед лицом рукой, разгоняя туман.

– Ты только не подумай, я не против вашего счастья, но в науке иногда для того чтобы совершить что-то значительное, надо пойти на большие жертвы. Ты готов к этому?

Андрей непонимающе посмотрел на своего научного руководителя.

– Что вы имеете в виду?

– Я смогу убедить Машу принять участие в нашей работе, даже не буду против того, чтобы она вживила в себя платиновые пластины. Но ты должен прекратить всяческие личные контакты с моей дочерью. Поверь, я говорю тебе сейчас как ученый, а не как отец. Влюб-

ленность – самое неизученное состояние человека. Многие древние философы не зря говорили, что любовь – это некоторая форма помешательства. А мы не можем рисковать проектом. Слишком много сил и средств вложено в него. Я не говорю, что это навсегда. Но на какое-то время вы должны расстаться.

Они очень долго беседовали с ним об их отношениях с Марией, о ее способностях и о перспективах его новой разработки и разошлись только под утро...

Со времени того разговора прошло десять лет. Но Антонов помнил его, как будто он состоялся только вчера. Помнил и пощечину, которую оставила Мария у него на щеке на следующий день.

Сегодня, когда новый и самый современный в мире самолет, снабженный уникальной системой управления, стоял в ангаре, отдыхая после своего очередного успешного полета, он хотел бы сказать, что жертва ради науки была, конечно, не напрасной. И это грело его душу. Но желто-зеленые сигналы из утробы Марии говорили, что, возможно, она была и не нужна. Но что сделано, то сделано.

Андрей разжал кулаки.

– Мария Анатольевна, мы отвлеклись от темы. Сосредоточьтесь! Еще немного и вы будете свободны.

Мария тогда испытывала сильное чувство к Андрею, но не до беспамьятства. Ей нравилось, как он ухаживает за ней, нравилось заниматься с ним сексом. Нравилось отдаваться целиком и полностью в его сильные руки. Но не более. Огромное количество других интересов: учеба, самолеты, музыка – так же были для нее важны. В то время она хотела просто наслаждаться жизнью, беря от нее по максимуму, не думая о последствиях. Андрей занимал в ее жизни много места, но не все. Там было место и для других не менее важных дел и ... мужчин.

Например, ей очень нравился Ринат. Он приходил к отцу по понедельникам и всегда дарил ей цветы. А вот Евгений был не в ее вкусе. Да он и сам не проявлял к ней никакого интереса. Что ее очень сильно раздражало.

Поэтому Мария влепила пощечину Антонову исключительно по той причине, что так надо. Неслышанное дело, ее променяли на непонятно что, на какие-то мифические научные перспективы. Конечно, попереживала несколько дней, даже в подушку всплакнула один раз, но потом после разговора с отцом поняла, ради чего ее чувства приносятся в жертву и, взвесив все «за» и «против», перестала расстраиваться. В конце концов, зачем ей был нужен мужчина, который не замечает ничего, кроме своего компьютера.

После истории с Андреем она решила для себя, что больше никогда не будет иметь никаких дел с учеными. Нет, Ринат ей по-прежнему нравился, но она предпочла больше не рисковать. Ей был нужен нормальный мужик, который не витает в облаках, а твердо стоит на земле и имеет вполне земную профессию. Именно таким ей изначально и показался Боря, сын главного бухгалтера центрального городского универсама. Но сын главного бухгалтера, как и следовало ожидать, это еще не сам главный бухгалтер.

Они познакомились с ним на городской танцплощадке «Клетка», где Борис всех угощал коктейлем «Секс на пляже». Мария решила, что такой денежный мужик ей и нужен, поэтому, когда он ей под утро ни с того ни с сего предложил пожениться, она, не долго думая, согласилась. Свадьба была пышная, в московском ресторане, потом они поехали отдыхать в Крым, откуда она вернулась уже беременной.

Сразу после этого Борис перестал обращать на нее внимание и ударился в очередной загул. Она думала, что когда родится сын, он остепенится, но это было ложное представление о действительности. Он встретил ее из роддома с цветами и шампанским на белом «Мерседесе», подарке родителей. Шикарно отметил рождение сына в ресторане и снова исчез с ее горизонтов. Даже не приехал на развод.

После этого случая она поняла, что от мужчин сегодня вообще ничего не дождешься, и решила жить жизнью свободой женщины. А потом вообще личные переживания отошли на второй план, потому что работа в отцовском проекте была очень интересной и позволила ей забыться.

Сначала, конечно, ее раздражало, что все ее эмоции отражались в памяти компьютера, за которым сидел Антонов, но очень скоро она научилась еще больше управлять своими чувствами и организмом и стала смотреть на Андрея, как на дальнего родственника.

Только изредка у нее проскакивали нотки стервозности, как, к примеру, на этот раз, но не более того.

– Андрей, я закончила, – сказала Мария, открыв глаза. – Можно встать?

– Да, на сегодня все, – Андрей замолчал, но Мария почувствовала, что он что-то не договорил.

– Ты что-то хотел сказать?

– Да, – ответил Антонов. – Хотел тебя спросить, что ты собираешься делать с ребенком?

– А ты как думаешь?

– Не знаю. Меня волнует то, как это отразится на проекте?

– А что, Колька как то на него повлиял?

– Нет, не повлиял, но тогда еще наш проект находился в начальной стадии. И поверь, мы все очень переживали, что твои способности исчезнут под влиянием изменений в организме. Ты нас тогда своим поступком сильно потревожила.

– Но ведь все было нормально?

– Да, обошлось. Но сейчас тебе предстоит много летать.

Маша взорвалась:

– Никогда еще беременность не мешала мне летать. Я еще когда Кольку вынашивала, входила в группу «Небесных гусар». И ты прекрасно знаешь об этом.

Андрей поморщился. Эмоции, выплеснувшиеся через край, загуляли ломаными черно-багровыми линиями по экрану монитора. Андрей заметил, что такие же тонкие линии появились и рядом с сигналом эмбриона.

– Подожди, не нервничай, – оборвал он ее. – Тебе нельзя волноваться.

Мария несколько раз вздохнула и успокоилось.

– Я могу идти, а то у меня на час дня назначен косметический салон? А мне еще Кольку надо забрать из школы.

Антонов посмотрел на часы. Было без пяти минут двенадцать. Успеет.

– Мария Анатольевна! Если вы решите оставить ребенка, то обязательно должны будете назвать имя отца. Нам нужно будет досконально обследовать его и установить медицинский контроль.

Мария нахмурилась. Ей не хотелось этого делать, так как отец еще не знал, что он отец. И ей меньше всего хотелось, чтобы он об этом узнал.

– Хорошо, я подумаю.

Анатолий Руденко. Через пять часов после приземления «Жар-птицы»

Академик Руденко открыл глаза. Вроде бы только на минутку прилег, а проспал целых четыре часа. Резко поднявшись, чтобы отогнать последние следы сна из головы, он прошел на кухню и достал из шкафа свою любимую чашку.

Посмотрел на газовую плиту, где стоял обычный чайник из нержавеющей стали, а потом на кухонный стол, где стоял чайник электрический. Его вместе с тостером на 23 февраля подарила ему Мария. В обычный день для того, чтобы вскипятить воды для чая, он, наверняка,

воспользовался бы чайником на газовой плите. Все-таки в чем – в чем, а в этом он был большим ретроградом. Они даже ссорились из-за этого с дочерью, так как она обижалась на то, что отец не пользуется ее подарком. Но Руденко имел свое мнение на этот счет. Просто, объяснял он дочери, чайник на плите греет воду ровно столько времени, сколько ему надо для того, чтобы достать чашку, поставить ее на стол, усесться и подумать «о вечном». Что в наш век информационных технологий просто роскошь.

Но сегодня он решительно развернулся к кухонному столу и щелкнул кнопкой электрического чайника. Думать о вечном у него просто не было времени. Надо было как можно скорее выпить чая и продолжить заниматься делами. Руденко посмотрел на часы, было без пяти минут три. Сейчас за ним должен был заехать шофер, чтобы отвезти его в офис, где должно было состояться совещание конструкторского бюро по поводу разбора прошедшего полета.

Не успел он толком рассмотреть красный поплавок-индикатор, как вода угрожающе забурлила, и кнопка чайника подскочила вверх. «Чай готов!» – вспомнил он лозунг какого-то рекламного ролика, который недавно крутили по ящику. Кстати, о телевизоре. Надо бы его включить. Хотя бы просто так для фона. В комнате стояла невообразимая тишина и неприятно давила на мозги. Руденко взял пульт и нажал кнопку первого канала. Телевизор стоял на подставке в углу кухни, и, для того чтобы его смотреть, надо было постоянно задираТЬ голову. Поэтому Руденко предпочитал не смотреть телевизор, а слушать.

Голос диктора монотонно вещал об очередном партийном съезде единорогов и о предстоящих выборах губернатора. Переключил на НТВ. Елена Ханга и Ищеева определяют принцип «Домино». По каналу «Культура» – балет, как во времена поминок Брежнева. Спортивный канал транслировал гонки «Формула 1».

На дециметровых волнах повсеместно крутили мыльные оперы. Наконец, на канале РБК он смог увидеть передачу, которая его заинтересовала. Трое экспертов обсуждали проблемы бананового бизнеса в России. Послушал несколько минут. Специалисты сходились во мнении, что торговля бананами в России имеет высокие коммерческие риски с очень маленьким процентом прибыли. И причин этому несколько. Бананы – это скоропортящийся продукт. При этом для доставки его в Россию требуется слишком много времени. Фактически, у сбытчиков продукции остается максимум неделя на то, чтобы реализовать свои фрукты. Что на самом деле очень и очень мало. Выходит своеобразная ценовая вилка – с одной стороны надо как можно быстрее продать товар, чтобы он не испортился, поэтому высокую цену поднимать нельзя.

С другой стороны транспортные накладные расходы, в которых львиную долю занимает стоимость топлива, – требуется заложить все это в стоимость банана.

Руденко прикинул в уме, как он мог бы помочь в этом вопросе. Вырисовывалась неплохая идея. Он мог бы организовать буксировку сразу нескольких транспортов по примеру воздушного поезда, что резко увеличило бы объемы перевозок и сократило бы объемы топлива, которое требовалось на доставку груза. При использовании их нового самолета эта идея вполне бы была осуществима.

Подумал: надо записать себе в блокнот эту идею, чтобы потом обсудить на правлении компании. И в этот момент его взгляд упал на бегущую по нижней части экрана строку.

«ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ: САМОЛЕТ-НЕВИДИМКА В ДВУХ ШАГАХ ОТ КРЕМЛЯ. По информации ИТАР-ТАСС стало известно, что сегодня утром в непосредственной близости от Москвы войсками ПВО был зафиксирован неизвестный самолет, который направлялся в сторону Москвы. Поднятые по тревоге самолеты противовоздушной обороны заставили самолет изменить свой маршрут и совершить вынужденную посадку в районе города Петляков. Предположительно самолет приземлился на территории аэродрома Центрального Аэродинамического института. В настоящий момент силами полка внутренних войск, охраняющего режимный объект, проводится операция с целью обнаружения неизвестного самолета».

Прочитав эту строку, Руденко даже открыл рот от удивления. Откинувшись спиной к стене, он просидел в таком положении, без движения минут пять. Или даже шесть. Пока целый ворох мыслей у него в голове не пришел, наконец, к какому-то упорядоченному значению, и не выработался алгоритм дальнейших действий. Рука потянулась к мобильному телефону. Странно, все очень странно. Он позвонил Антонову. Андрей ответил ему практически сразу:

– Да, Анатолий Евгеньевич?

– Ты где?

– Стою на выезде с аэродрома. Еду в офис.

– А ребята где?

– Маша уехала час назад. Ринат с Евгением и техперсоналом уехали еще утром. Отдыхать. Сейчас, наверное, тоже едут в офис. А что случилось?

– Да так. Вот только что по РБК передали новость, что наш самолет усиленно ищут.

– Не знаю, но особого ажиотажа я на аэродроме не наблюдаю. Когда отъезжал от ангара, то мимо проходило несколько солдат. Стрельнули сигарет у наших охранников и пошли дальше.

– Ну хорошо, тогда до встречи в офисе.

Руденко отключил телефон и набрал номер Черткова. Безжизненный голос оператора связи снова сообщил, что набранный номер временно заблокирован. Вадим был не из тех людей, кто мог допустить, чтобы на его счету не было денег. Он никогда не отключал своего телефона и всегда был доступен для него. Руденко попробовал набрать номер еще раз, но результат был тот же.

Анатолий Евгеньевич опустил руку с телефоном. Что-то его все-таки беспокоило. Он никак не мог понять, что. Наверное, все же дело в самом сообщении. Как будто кто-то специально кинул ложку дегтя в бочку с медом. Что значит: истребители заставили самолет изменить маршрут и совершить вынужденную посадку? Что за наглость? Они не видели самолет в упор, а на радарах самолет мигнул лишь маленькой звездочкой два раза. И то случайно. Самолубие ученого было задето. И потом, создавалось такое впечатление, что их самолет летел чуть ли не Москву бомбить. Но это же неправда. Это был научный полет...

В дверь позвонили. Приехал личный водитель. Анатолий Евгеньевич быстро оделся и вышел. На столе остался стоять недопитый чай.

По дороге в офис он не переставал думать о телевизионном сообщении. И все больше и больше его начинал волновать один вопрос. Откуда о полете стало известно средствам массовой информации? Где произошла утечка? И что теперь в связи с этим делать? Афишировать свои действия сейчас не входило в планы корпорации, но и пускать ситуацию на самотек было нельзя.

Академик еще раз попытался набрать номер Черткова. Но Вадим не отвечал. Тогда он набрал номер офиса «Фонда боевого самбо». Заплаканным голосом секретарь ответила, что Вадим Вадимович умер.

– То есть как: умер? – не понял Руденко.

– Ой, Анатолий Евгеньевич, – защебетал в трубке голос Любочки, личного секретаря Черткова, – я сама еще толком ничего не знаю. Мне позвонили из милиции и пригласили на опознание тела. Сказали, что сейчас за мной заедут.

Анатолий Евгеньевич удивился.

– А почему тебя? И что значит: Чертков умер? От чего?

– Не зна-а-а-ю, – заревела Любочка, – ой, я так всего этого боюсь.

Руденко подумал. «Ерунда какая-то! Чертков умер! Мы с ним расстались в одиннадцать часов вечера. Он шел в баню в “Малышок”. Меня не приглашал, так как знал, что мы будем всю ночь готовиться к полету. Пожелал нам удачи. Полнейшая ерунда!»

– Хорошо, Люба, – сказал он в трубку, – если за тобой приедут, скажи, чтобы меня подождали. Я поеду с тобой.

Слушать непрекращающиеся всхлипывания было невыносимо. Руденко отключился и приказал водителю немедленно ехать в офис фонда. «Не дай бог, если с Вадькой действительно что-то произошло. Не дай бог!» Он почувствовал в груди какую-то пустоту.

Они дружили вот уже более полувека: Толян, Вадя и Витек. Дружили с того самого момента, как поехали в Малаховку за «петушками». Носили в их юности такие вязаные шапочки, которые напоминали гребешки петухов. Иметь такой петушок было очень модно. И каждый двор, каждая банда, носили такую шапочку по-своему. Банда «голодных», к примеру, носила шапочки сильно натянутыми на глаза. Причем настолько сильно, что ходить по улицам рабочего поселка, где они жили, можно было только высоко задрав кверху нос. А «пожарники» (не потому что огонь тушили, а потому что всех «гасили») носили петушков только красного цвета и сильно завернутыми – так, что они еле держались на макушке.

Потерять свой петушок было таким же позором, как потерять флаг воинской части. Торговали такими шапочками на вещевом рынке станции Малаховка. По выходным. Поездка в это место, что на юго-восточном направлении Казанской железной дороги, была настоящим приключением, полным неожиданностей, но это было обязательным условием для того, чтобы тебя приняли в ту или иную банду. Надо было самостоятельно съездить на рынок, найти там торговцев этими самыми шапочками, а затем вернуться назад. Казалось бы не самое сложное дело, если бы не одно «но».

Они шли вдоль торговых рядов, прицениваясь к китайскому ширпотребу и выискивая глазами лоток с вожделенными головными уборами. Они шли, беспечно обсуждая вечерний поход на танцплощадку (дискотек тогда еще не было), где у них была назначена встреча с девочками, и абсолютно не замечали следящих за ними глаз. Вернее, это он, Толик, страдающий близорукостью, ничего не видел. А Вадик и Виктор уже давно поняли, что дело пахнет керосином. Так и вышло. Неожиданно из толпы покупателей выскользнул коренастый парень в клетчатой кепке и широких брюках. Не вынимая руки из карманов, он коротко бросил:

– А ну, давай отойдем!

Вадя вышел вперед и зло ответил:

– С какой это стати?

Клетчатый парень, презрительно смотря на Вадима, сплюнул через отверстие, оставленное от выбитого зуба.

– Поговорить надо.

Вадька, расставив широко ноги, зло кинул:

– Нечего нам говорить.

В этот момент Толян почувствовал, как на его плечо легла чья-то рука, а в спину уперся острый предмет. Клетчатый парень усмехнулся, увидев, как побелело лицо Толика, и с тем же презрением в голосе произнес:

– Пошли, кому говорю.

Мимо проходили покупатели, налетали на стоящих по середине дороги ребят, но никто не обратил внимания на то, что происходит буквально под носом у них. Кто-то даже успевал прикрикнуть. Мол, ну что тут встали. Движению мешаете. Давай, проходи! Что-то острое неприятно давило под лопатку, и от обиды слезы наворачивались на глаза.

– Убери руки! – вдруг закричал Витька. – Убери, кому говорю!

Он решительно шагнул вперед и откинул руку того, кто держал Толика. Наверное, из-за того что дело происходило на рынке, и вокруг было много народу, держали Анатолия не крепко. Когда Вадим, резко протянув руку вперед, схватил приятеля и дернул на себя, Анатолия будто ветром сорвало с места. Он даже больно ударился грудью о твердую грудь Вадима,

но это было гораздо приятнее, чем острый предмет в спине. Виктор тут же заслонил собой Анатолия и шепнул: «Ну, а теперь держись!».

Раздался залихватский свист. Шарахнулась в сторону старушка с кошелкой в руке. И куда-то под прилавок покатила клетчатая кепка, сбитая ударом Виктора. «Главное, не упади!» – крикнул Вадим, отпихивая ногой того, кто выскочил из толпы на них. Все завертелось перед глазами у Анатолия. Руки, ноги, головы. Он кого-то бил, ему больно ударили по голове, но каждую секунду того короткого сражения он ощущал своей спиной плечи Вадима и Виктора.

С того самого момента он ощущал плечи друзей всегда в трудную минуту. И вот теперь ему говорят, что Вадим мертв. Почему это произошло в тот день, который они все втроем так долго ждали? У Руденко навернулись на глаза слезы. Когда погиб Виктор, Вадим все время молчал – и на похоронах, и на поминках. Лишь вечером, когда они остались вдвоем в осиротевшей квартире друга, помогая мыть посуду Екатерине Андреевне, вдове Виктора, Вадим сказал:

– Видишь, Толя, как дорого нам обходится наше небо, – и усмехнулся. – Теперь инопланетян будем встречать мы вдвоем. А убийц Виктора я найду. Обязательно найду. Только ты давай, доделывай свои крылья побыстрее.

Руденко достал из пачки сигарету и нервно закурил. Крылья-то он сделал. А вот убийц Вадим так и не нашел. Получалось, что теперь никогда и не найдет.

Женя Журавлев. Через два часа после полета «Жар-птицы»

Женя Журавлев спал, и ему снилось сердце. Большое стальное сердце, которое мерно билось в теле железной птицы. Потом он увидел, как у сердца начала образовываться опухоль. Сначала это было маленькое пятнышко, потом – пупырышек, потом опухоль стала размером с голубиное яйцо, затем – куриное, страусиное.

Евгений попытался зажать опухоль руками, попробовал не дать ей расти, потому что чем больше становилась опухоль, тем сложнее птице было махать крыльями. Но опухоль все равно увеличивалась в размерах. Она разрасталась на глазах, застилая собой все свободное пространство. В конце концов, от бессилья что-нибудь сделать, Женя проснулся, но еще долго лежал с закрытыми глазами, привыкая к окружающим его звукам и ощущениям.

Он лежал в своей двухкомнатной квартире, на первом этаже пятиэтажного панельного дома, на раскладном диване, купленном два года назад в «ИКЕЕ», накрытый клетчатым пледом. Лежал в одних трусах. Было немного прохладно. Наверное, оттого, что окно в комнате было широко открыто. Через него в комнату врвался шум улицы Гагарина, центральной улицы города. Окна квартиры Журавлева как раз выходили на нее.

Женя уже давно жил в этой квартире. И раньше он никогда не замечал за собой того, что обращал внимания на звуки за окном. Сегодня же они звучали как-то особенно выпукло. Особенно явственно он выделял из общего гула улицы шипящий звук открывающихся и закрывающихся дверей автобуса. Почему?

Журавлев вспомнил, как сегодня утром после полета «Жар-птицы» он вышел на автостоянку, сел в свой темно-зеленый «лендровер», вставил ключ в замок зажигания, но вместо привычного рокота ожившего двигателя услышал лишь хлюпающий чих. Открыл капот, посмотрел свечи, проверил аккумулятор. Вроде бы все было в порядке, но двигатель не хотел заводиться. «Сапожник без сапог!» – усмехнулся про себя Евгений. На самом деле, это было действительно чем-то из ряда вон выходящим, потому что в чем – в чем, а в двигателях он разбирался как бог. Про него шутили, что он мог заставить двигаться любую железку, а тут вдруг его собственная машина – и не заводилась. Однако разбираться в чем дело – не было просто сил. Слишком тяжелая ночь выдалась. Он плюнул на все, закрыл машину на ключ и пошел на автобусную остановку. В первый раз за последние пятнадцать лет.

На кругу, конечной остановке автобуса, в домике из жестяных листов, он просидел минут десять, дожидаясь, пока подойдет автобус, и слушал, как группа подростков обсуждала проведенный на дискотеке вечер. Можно, конечно, было вызвать такси или поехать на микроавтобусе фирмы, благо он стоял тут же и собирал всех работников фирмы, но на Журавлева будто нашел какой-то ступор. Он тупо сидел на деревянной жердочке, клевал носом и ждал, когда подойдет рейсовый автобус.

Поездка в желтом пропахшем бензином, громыхающем прямоугольном «аквариуме» произвела на него неизгладимое впечатление. И в первую очередь тем, что, как оказалось, в автобусе ездят не только пенсионеры. В то утро их вообще не было в салоне. Автобус помимо Журавлева и любителей ночной разгульной жизни забрал с остановки еще двух вохровцев, возвращающихся с ночной смены, и нескольких огородников с тяпками, замотанными в мешковину. Видимо их огородики были где-то рядом со взлетной полосой. В автобусе не было даже кондуктора. Деньги пришлось просовывать в кабину водителю, через маленькое окошко в задней стенке кабины.

Получив билет вместе со сдачей, Женя так и плюхнулся рядом с этим окошком. Привалился к стеклу и, закрыв глаза, закимарил. Несмотря на то, что в голове был полный туман, он очень боялся проехать свою остановку, поэтому спал вполглаза, на каждой кочке поднимая голову, чтобы посмотреть, где едет.

Однако момент, когда в салон вошла она, он все равно пропустил. Сквозь прикрытые ресницы он сначала увидел лишь силуэт и тонкое загорелое запястье руки, на котором висел тонкий золотой браслетик с синим глазом счастья. Потом он услышал ее голос: «Не подскажите, сколько стоит билет?» Журавлев от неожиданности вздрогнул: ему показалось, что кто-то хочет проверить его билет. Он попытался взбодриться, протирая, как ребенок, кулаками глаза, и выдал фальцетом: «Простите, что вы сказали?» В этот момент он поднял глаза и увидел неясный овал лица в обрамлении светлых волос и солнечных лучей. Девушка засмушалась: «Ой, извините, я вас разбудила».

Журавлев, широко раскрыв глаза, смотрел на девушку и не мог понять, что она ему говорит. Возможно, со сна, а может, это было действительно так, но девушка показалась ему сказочно красивой. «Да», – невпопад ляпнул Журавлев и захлопал глазами. Девушка смущенно пожала плечами. Напряженную обстановку разрядил водитель. Приоткрыв окошко своей кабины, он крикнул: «Девушка, с первого числа двенадцать рублей проезд по городу!»

– Спасибо, – девушка нашла в кошельке деньги, расплатилась с водителем и ушла в глубь салона.

Еще раз Журавлев смог посмотреть на нее только на выходе из автобуса. Евгений специально встал пораньше и подошел к двери, чтобы у него было время рассмотреть девушку. Девушка сидела у окна и читала эзэмэски в своем мобильном телефоне. Она почувствовала движение в салоне и подняла голову. На какое-то мгновение их глаза встретились. Этого мгновения оказалось достаточным для Журавлева, чтобы понять, что у нее зеленые глаза. Она улыбнулась ему уголками губ и снова уткнулась в свой телефон.

Автобус остановился, раздалось шипение, дверь открылась. Журавлев вышел, в салон вошло несколько человек, снова раздалось шипение. Дверь закрылась, автобус отошел от остановки, а Журавлев в каком-то сумеречном состоянии побрел домой. Засыпая, он еще долго ворочался, пытаясь закрепить в памяти образ девушки. Когда же забылся в беспокойном сне, тот вдруг неожиданно закончился разбухшей опухолью железного сердца. Девушка, разбухшее сердце, шипение автобуса. Шипение, сердце, девушка.

В результате в голове образовалась полная каша, которая отдавалась в висках несильной пульсирующей болью. «Надо резко встать и пойти в ванную. Принять душ. Голова должна пройти».

Раздался звонок мобильного телефона. Звонил Ринат.

– Здоров, Жека! Проснулся уже?

– Да, – ответил Евгений со страданием в голосе.

– Давай, срочно приезжай в офис. Старик всех собирает.

Журавлев прикинул в уме, сколько времени потребуется, чтобы забрать машину со стоянки, и попросил Рината заехать за ним.

– Конечно, заеду, – ответил Ринат, – а что случилось?

– Да, понимаешь, машина не завелась.

– У тебя, и не завелась, – удивился Ринат. – Это что-то невероятное.

– Да, как видишь, и такое бывает. Можешь заехать прямо сейчас? Я быстро соберусь.

Мне еще надо с тобой кое о чем посоветоваться.

– Отлично. Тогда выходи к подъезду через пятнадцать минут.

Журавлев никогда не знал своего отца. Вообще, долгое время в их доме было не принято произносить это слово. И все из-за матери. Отец ушел от них, когда Жене не исполнилось еще и года. Мать, коренная москвичка, сразу же после развода уехала из столицы, пообещав себе, что сделает все возможное, чтобы ее сын никогда не встретился «с этим кобелем». Вторым ее обещанием стало то, что ее сын никогда не станет таким, как отец.

Не понятно по каким соображениям, но она решила, что этого можно будет достичь, исключительно ограничив его контакт с противоположным полом. Она даже не стала отдавать мальчика в детский сад. Когда же пришла пора идти ему в школу, к матери в Петляков приехала ее сестра, тетя Нюра. Она, так же как и мать, считала, что ее священный долг помочь матери воспитать из мальчика «не кобеля», а настоящего мужчину. Тетя Нюра была глубоко убеждена, что настоящий мужчина – это тот, кто умеет прибить гвоздь в доме. Именно поэтому она была тем человеком, который однажды взял Женечку за руку и отвел в «Клуб юных техников».

Двухэтажное кирпичное здание, где некогда находилась пожарная часть, стало для Жени тем местом, где он провел все свое детство и юность. Лобзики, стамески, тиски, надфили, рашпили, а позднее токарные и фрезерные станки, паяльник и канифоль. Эти предметы заменили Евгению игрушки и, в какой-то мере, друзей. В клубе было, конечно, много ребят. Но все они по большей части были такими же, как и Евгений. Увлеченными собственными моделями и замкнутыми в себе. Другие, озорные и непоседливые, просто долго не задерживались в клубе.

Каждый раз, приходя в клуб, Женя испытывал необыкновенный восторг от того, как обычная деревяшка или железка, вдруг после некоторых манипуляций с ней, превращалась в нечто, что могло двигаться и перемещаться в пространстве. Сначала это были маленькие вертолеты-мухи, потом бумеранги, резиномоторные планера и, наконец, машинки, катера, паровозики и самолеты с электрическими и бензиновыми двигателями.

Все его железные друзья рано или поздно оказывались в его квартире, потому что процесс совершенствования не прекращался ни на секунду, затем снова возвращались в клуб на испытания, а потом вновь в квартиру на доработку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.